

Иар Эльтеррус

ЭТО
НАШ
ДОМ

Иар Эльтеррус

Это наш дом

Серия ««Снегирь»», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Они пришли из иной вселенной и иного времени, где царит взрывообразно расширяющаяся Российская империя. Коммунистическая империя, как бы странно это ни звучало для некоторых. Они пришли не в наш мир, где Россия сама поднялась с колен, а в похожий, где власть оказалась в руках либералов, которые почти погубили страну в желании угодить своим господам. Но имперцы взяли власть и показали западным дамам и господам, кто в доме хозяин. У тех не осталось ни армий, ни флотов, ни ядерного оружия, ни даже какого-либо влияния. Однако на Земле еще предстояло навести имперский порядок. А это нелегкая задача...

Содержание

От автора	4
Пролог	8
Глава 1	14
Глава 2	33
Глава 3	51
Глава 4	68
Глава 5	89
Глава 6	106
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Иар Эльтеррус

Это наш дом

Фантастический роман

От автора

Эта книга имперская по духу. От и до. Поэтому либералам, демократам, националистам любого толка и прочей нечисти читать ее не стоит, а то вдруг еще от злобы удар хватит, дуба раньше срока дадут (хотя мне совершенно безразлично, что произойдет с оными дамами и господами, не заслуживают они ни сочувствия, ни даже жалости). И уж точно не стоит читать эту книгу любителям бесчеловечного Запада, создавшего жуткую, отвратительную псевдоцивилизацию эгоизма, в которой каждый сам за себя и только за себя. В доказательство последнего напомню два факта: ловля европейским господином крокодила на живца, а в роли живца туземный ребенок, и зараженные оспой одеяла, розданные индейцам, не имевшим иммунитета к этой страшной болезни. Было много куда худшего, но эти два факта особенно показательны, в них вся суть «этики» и «мора»

ли» западной «цивилизации». Так что я всего лишь показал западников и их шавок такими, какими они есть на самом деле. Без красивых оберток и фиговых листков. Очень, знаете ли, неприглядное зрелище получилось.

Так что тем, кто обожает лизать землю под ногами ранее белого, а теперь и черного заокеанского «господина», советую одно – не читайте, не насилуйте себя, вам точно не понравится. А остальным – приятного чтения.

Все совпадения с реально существующими людьми или событиями случайны, роман с начала и до конца является авторским вымыслом.

Предупреждение: изображенная в книге Земля – не наша Земля, у главных героев был выбор, куда пойти и кому помочь. Нашей России, самостоятельно вставшей с колен и начавшей очистку Украины от нацизма, или той, где несколько лет назад взяли верх либералы, принявшиеся потихоньку сдавать страну врагу. Там никто не пришел на помощь избиваемому украинскими нацистами Донбассу. Там уступали Западу то одно, то другое, и виляли хвостиками, умильно заглядывая в глаза обожаемым «цивилизованным» господам. Там снова начали гнобить армию.

Там окончательно разрушили авиапромышленность и начали разрушать оборонную. Так какую же Землю выбрать? Сами понимаете, выбор капитана был однозначен. И он не политик, он начал наводить на планете порядок так, как посчитал нужным. Как военный. И не просто военный, а прошедший третью мировую войну, все тридцать два ее страшных года, и ничего проклятому Богом и людьми Западу не забывший и не простивший. И, конечно, совершенно не считающийся с мнением либеральной нелюди.

Перед вами вторая книга цикла «Снегирь». Первая «Мы вернемся домой».

*Всё казалось предначертано,
Выбирай, не выбирай.
Планы хитрые исчерпаны,
И пыхтит кредитный рай.*

*Наступила неожиданно
Наша русская весна!
Возмущением невиданным
Разбудила ото сна.*

*И теперь мы очнулись и поняли:
«Мы ещё свою песню споём».
И теперь мы очнулись и поняли:
«Надо заново строить свой дом!»*

*И теперь мы очнулись и поняли:
«Никому, кроме нас, не нужна
Наша жизнь, наша честь, наша Родина,
Наша правда, свобода, весна».*

*Нас кормили обещаниями,
Кто наелся, кто не смог.
По дороге обнищали мы,
Вот и весь простой итог*

*Наступила неожиданно
Наша русская весна!
Возмущением невиданным
Разбудила ото сна.*

*И теперь мы очнулись и поняли:
«Мы ещё свою песню споём».
И теперь мы очнулись и поняли:
«Надо заново строить свой дом!»*

Отрывок из песни «Русская весна» группы «Зверобой»

Пролог

Мир замер в тревожном, напряженном ожидании, люди на всех шести континентах, даже полярники в Антарктиде, не знали, чего ждать от захвативших их планету имперцев. Кто-то радовался, что богатые и знатные наконец-то получили по заслугам; кто-то горевал, понимая, что никогда больше западная цивилизация не встанет во главе планеты, что ее потенциал полностью уничтожен; кто-то переживал о себе, любимом, вспоминая свои неблагоприятные поступки, за которые вполне могло последовать наказание – имперцы жалости не ведали. Власть имущих без суда и следствия вешали на главных площадях городов, и это сильно настораживало людей. Ведь если так обошлись с теми, кто был неизмеримо могущественнее их, то как поступят с ними самими? Останут ли в живых?

Еще больше напугало то, что имперцы сделали с нацистами и многими националистами – их всех просто убили невидимые дроиды. И неважно, где они находились и к какому народу принадлежали. Достаточно было один раз зигануть или выкрикнуть что-то в поддержку Гитлера и его идей. Точно так же обходились с преступниками, их безжалостно расстреливали за любое правонарушение, от грабежа до безобидного воровства. А уж что творили с насильниками! Им отстреливали самое дорогое для мужчины, вызвав, правда,

потом скорую помощь. Однако если выяснялось, что девушка огульно обвинила парня, а это тоже случалось, то такое же наказание получала уже она. Преступный мир замер в ужасе, оставшись без крестных отцов – их перестреляли, как бешеных собак, не считаясь ни с чем. В России, например, вскоре напрочь исчезло такое понятие, как «вор в законе», поскольку оных воров попросту не осталось – за ними вели безжалостную охоту. И при обнаружении уничтожали на месте без лишних разговоров.

Как ни странно, беспорядков в странах, не входящих в империю, почти не было – их подавляли довольно смешным способом. Достаточно было даже небольшой толпе устремиться грабить и жечь, как на всех бунтовщиков напал неудержимый понос, причем настолько сильный, что о бунте и протестах они тут же забывали, становилось не до того – штаны бы сменить. Чиновники на местах продолжали работать, разве что зарплату им теперь платила империя. Все ни шатко, ни валко, но работало. Проблем, конечно, хватало, но выжить было можно.

Замену финансовой системы во всех странах мира чужаки провели очень быстро и толково, через каких-то два месяца других валют, кроме имперского рубля, на Земле не осталось. Дольше всех сопротивлялся этому Китай, держась за свой юань, но после переговоров председателя Си с капитаном Волгиным тоже сдался. Что-то чужак предложил китайцам такое, от чего не отказываются. Может, и дол-

гую жизнь, на которую пускали слюни все богатые люди мира. Из тех, кого не тронули. Но им всем было жестко отказано в преобразовании тела, его позволяли только служащим империи, причем прослужившим не менее десяти лет. Бывали, конечно, и исключения, но логику имперских инспекторов здравоохранения не мог понять никто. Они руководствовались какими-то своими, непонятными никому другому критериями.

Зато молодежь после осознания истины, что время затхлого мира, в котором все решали деньги и связи, прошло, большей частью радовалась, преисполнившись надежд. Имперцы ориентировались исключительно на талант и трудоспособность, и это молодым, ранее не надеявшимся на изменения к лучшему, нравилось. Настолько нравилось, что они сотнями тысяч, а вскоре и миллионами начали вербоваться в имперские проекты на других планетах, причем многим там настолько пришлось по душе, что возвращаться в свои родные страны они не собирались, надеясь со временем тоже стать имперцами.

Телевидение и интернет на планете были исключительно имперскими, в кинотеатрах шли невероятно красочные и интересные фильмы, издавались обычные и электронные книги. Зато порнографию найти в сети стало практически невозможно. Нет, по желанию можно было подписаться на закрытый сегмент интернета, по удостоверению личности. Но такая подписка означала закрытие права работы с людьми

и полеты в пространстве. Также из свободного доступа исчезли все смакующие насилие произведения, а также книги и фильмы, популяризирующие любые деструктивные идеи, сексуальные извращения и эгоизм.

Стоило кому-то оскорбить другого пользователя в социальной сети, как на экране его компьютера зажигалась красная табличка с предупреждением, что подобное недопустимо, а если станет регулярно повторяться, то такой-то и такой-то, называлось реальное имя и адрес оскорбителя, будет внесен сначала в серый, а в случае рецидива, и в черный список. Это означало лишение многих прав и возможностей, и вскоре в сети все стали приторно вежливыми, лишаться социальных гарантий никому не хотелось.

Репортажи о жизни в империи и изменениях, происходящих на ее земных территориях, люди смотрели с жадностью и неизменным интересом. Их поражало, что в новостях рассказывали только о стройках, уходящих в дальний поиск кораблях, новых изобретениях и достижениях, рекордных урожаях и трудовых подвигах, а отнюдь не о том, что какая-то там пресыщенная актриска в сотый раз вышла замуж или зажавшийся миллиардер купил новую роскошную яхту. Впрочем, миллиардеров на Земле не осталось – на имперские рубли поменяли жалкие крохи их состояния, максимум, что смогли получить бывшие богатеи – это сто тысяч новых рублей. Да и ради этого им пришлось извращаться немислимым образом, используя, как подставных лиц,

граждан империи. Ведь обмен проводили поначалу только для них. Затем, правда, позволили и остальным, решив не оставлять людей без средств к существованию, пусть они и не граждане империи.

Все это вызывало лютые ненависть и злобу «хозяев жизни», переставших быть таковыми. Они лелеяли планы мести, но очень тихо, опасаясь разделить судьбу повешенных и расстрелянных. Смотрели на происходящее вокруг и скрипели зубами от ярости – все то, что они поколениями выстраивали на Земле, рухнуло. Стоило для быдла, созданное с таким трудом, оказалось разрушено, и проклятое быдло радостно потянулось на волю, не слушая умных людей. А это значило, что простые Джоны, Франсуа, Педро и Джакопо вскоре изменятся так, что направлять их в нужную сторону станет невозможно.

Особенно дам и господ взбесило, что навязываемая ими всему миру повестка, включающая в себя БЛМ, ЛГБТ и смену пола, оказалась под запретом. А попытавшихся устроить «парад гордости» извращенцев, не разбираясь, сослали на отдельный остров на Сауле. Таких попыток было около десятка, и все они закончились для участников «парадов» очень печально. Уцелевшие извращенцы после этого довольно долго не могли поверить, что они больше не основа всего, что к ним уже никто не прислушивается и не поддерживает. Но когда поверили и осознали, что мир вернулся к нормальным, человеческим ценностям, уцелевшие попрятались

и сидели тихо-тихо, надеясь, что на них не обратят внимания. Зря надеялись, еще мало кто из землян знал, что в империи все контролируется вездесущими и почти всемогущими искинами. Однако тех, кто не тыкал другим в лицо свои извращения, трогать не собирались. Пока не устраивают дебошей.

Еще одно очень обижало западников – отсутствие возможности приобретать имперские товары. Их показывали по телевидению, но для населения Евросоюза и США все эти полезнейшие вещи и качественные натуральные продукты оказались недоступны – их просто не поставляли в эти страны. Разве что кое-что попадало в них чудом, через третьи руки и за дикую цену. Электронику попытались вскрыть для изучения, но ровным счетом ничего не поняли. Что ж, четыреста лет разницы в развитии, это очень и очень много. Их одним прыжком не преодолеешь.

А ведь это было только начало! Впереди ждало еще очень многое, и мир с тщательно скрываемым нетерпением ожидал этих изменений.

Глава 1

– К вам можно? – поинтересовался Таорай, заглянув в кают-компанию, где отдыхал капитан.

– Заходите, – кивнул Николай Александрович, выглядящий так, что в гроб краше кладут. Под глазами залегли синяки, лицо желтоватое, видно было, что он смертельно устал. – Что-то случилось?

– Да нет, просто хотел обсудить кое-что, – вздохнул инквизитор. – Извините, что нарушил ваш отдых...

– Ничего! – отмахнулся Волгин. – Дело за нас никто не сделает. К тому же после разговора с вами я залягу в мед-капсулу часов на десять, врачи настояли, с ними, сами знаете, спорить совершенно бесполезно.

– Я все беспокоюсь по поводу биолабораторий, их так и не удалось отыскать, а они есть, на это указывает множество следов и улик. Вот только где? Куда их спрятали?

– Догадка о кораблях не подтвердилась?

– Частично, – вздохнул Таорай. – На нескольких нашлись лаборатории, но явно вспомогательные. Где могут быть основные? Выход на другие планеты? Но дальних космических кораблей у англосаксов не было.

– Портал? – предположил Николай Александрович. – Не зря в Ватиканской библиотеке нашлось столько информации по другим цивилизациям, с которыми мы в своей реаль-

ности не сталкивались. Может, контакты происходили через найденные археологами порталы?

– Это действительно возможно, – признал инквизитор. – Но как найти этот самый портал? Допросы попавших нам в руки «рептилоидов» почти ничего не дали, у меня даже возникло подозрение, что нам подсунули мало что знающих двойников, хотя сами они уверены в обратном. К тому же некоторых из английских аристократов тоже найти не удалось. Они бесследно исчезли, и никаких следов. «Снегирь» сканирует планету в круглосуточном режиме, но ничего не обнаруживает, кроме редких подземных каверн. Мы, конечно, проверяем каждую, но они пусты. И вывод отсюда только один...

– Какой?

– Мы не смогли отловить «рептилоидов», они, в подавляющем большинстве, успели либо куда-то уйти, либо куда-то спрятаться. И эвакуация началась в момент вашего выступления, товарищ капитан. Похоже, показываться им на глаза было большой ошибкой, следовало атаковать неожиданно, а так они успели подготовиться и провели эвакуацию очень четко и согласованно. Надо отдать должное нашим врагам – думать и работать они хорошо умеют. И теперь изучают нас, надеясь снова перехватить контроль. К счастью, у них нет наших технологий. Но что, если они сумеют до них добраться? Тогда мы проиграем с разгромным счетом...

– Проклятье! – стукнул кулаком по подлокотнику крес-

ла Николай Александрович. – Расстроили вы меня, Таорай Леадорович, очень расстроили. Но хорошо, что вы обратили внимание на все это, еще не поздно принять меры. Предкам было не легче, но они справились. Значит, наши сканеры не обнаруживают спрятавшихся подонков? Тогда надо бросить клич среди инженерной молодежи, пусть подумают над новыми типами сканеров. И вообще над вопросом обнаружения на планете скрытых объектов. А вам советую пройтись частой гребенкой по Британским островам. Уверен, там осталось немало людей, которые хоть что-то, да знают. А свести воедино разрозненные сведения нам помогут искины. Михалыч, слышишь?

– Не глухой, – ответил тот из скрытых динамиков. – Я тоже думал про Британию, и недели полторы назад разбросал над ней тысяч двадцать дополнительных разведывательных дроидов. Так вот, некоторые из англичан, особенно бывшие слуги в аристократических домах, иногда упоминали некий проект «Бремен». Слово там, слово здесь, и стало ясно, что в течение последних десяти лет куда-то вывозились огромные запасы продовольствия, медикаментов, вооружения и промышленного оборудования. На всех грузах стояла печать этого самого «Бремена» – трилистник, клевер. Но куда именно все это уходило никому не известно. Так что...

– Твою же мать! – выругался Таорай. – А что же ты сразу не рассказал?

– Так ничего еще неясно, – хмыкнул искин. – Какой-то

непонятный проект, какие-то отгрузки. Как, куда, зачем? Но предположение по поводу портала или тайного убежища кажется мне интересным. Сами смотрите, мы обнаружили множество объектов иных цивилизаций в системе Лейтена. Кто сказал, что их не могло быть в Солнечной системе, в общем, и на Земле, в частности?

– Никто, – признал капитан. – Это очень даже вероятно. Но почему мы, при всей нашей технике, не можем ничего обнаружить?

– А откуда нам знать, на каком уровне развития находилась создавшая портал или убежище цивилизация? – резонно спросил Михалыч. – Может они, как и те, кто создал систему сдвоенных межвселенских переходов, через которую мы проникли сюда, превышают нас в развитии так же, как мы превышаем муравьев. Но продолжать искать надо, я уже бросил клич среди молодых инженеров империи, они загорелись. Так что ждите вала всяких интересных проектов, ребяташки у нас талантливые.

– А как земляне, которые мы вербуем? – поинтересовался Николай Александрович.

– В основном, хорошо, – ответил искин. – Они довольно легко вливаются в наше общество, ведь идут к нам, в основном, энтузиасты и сорвиголовы, и раньше мечтавшие о космических полетах. Обыватели пока остерегаются, вы их трусливую натуру знаете. Зато пресечено больше ста попыток заслать агентов. Из разных социальных слоев и страт,

разных народов. К счастью, ментоскопирование выявляет их легко и быстро.

– Хотелось бы надеяться, что они не найдут способ его обманывать, – недовольно проворчал Таорай, о чем-то напряженно размышляя. – Я вот еще что думаю. Не зря ли мы начали включать не имперские территории в нашу экономическую модель?

– Не зря, – заверил капитан. – Голод там нам совсем не нужен, а если бы мы оставили их вариться в собственном соку, он был бы неизбежен. Лет через десять воздействия нашего интернета, наших фильмов, компьютерных игр, книг, роликов и песен социальные и этические изменения там тоже покатаются валом. Да они уже сейчас происходят. Немало молодежи из Европы и США нанимается к нам и уходит с Земли, на планете мы их, конечно, не оставляем, как и не оставляем без присмотра. Главное сейчас сохранить относительный порядок, не допустить бунтов.

– Но все-таки, зачем?

– Да все просто. Я хочу держать финансовую сферу Земли под нашим полным контролем. Никаких миллиардеров и магнатов больше не будет, они слишком вредны. Все организуем, как в нашей реальности. Мелкое производство, общественное питание и досуг в частных руках, крупное и энергетика – в государственных. Частники слишком ненадежны, они ради прибыли на любую мерзость пойдут. А главной задачей я вижу растить новые поколения молоде-

жи мечтателями, учеными и поэтами. Коммунарами.

Немного помолчав, Волгин продолжил:

– Таорай Леадорович, прошу вас отработать всех засланных шпионов, выясните, кто, когда, как и зачем сподвиг их на это. А теперь хочу вернуться к проблемам имперских территорий на Земле. К нам просятся Индонезия, Филиппины, Сингапур, Малазия и множество мелких стран из тех же краев. Практически вся тихоокеанская мелочь. Готовы хоть завтра провести референдумы. Помимо них Мадагаскар и куча разных островных государств. А я не могу понять причины...

– Все просто, они увидели сильную страну, которая сможет их защитить в случае чего, да и возможностей у империи столько, сколько больше ни у кого нет, – пожал плечами инквизитор. – В этих странах прекрасно помнят, как Запад поколениями грабил их и вытирал об них ноги. К тому же Индонезия – это не такая уж и маленькая страна, под триста миллионов населения. Но не советую пока брать желающих в империю, не оценят доставшегося без усилий, пусть несколько лет побудут кандидатами и покажут, чего стоят. И стоят ли вообще. А то слишком быстрые. Явно хотят, как говорят в России, на хвост упасть. Надо посмотреть, будет ли с них толк. Нам еще разбираться с бывшими советскими республиками, особенно среднеазиатскими. Верхушку там, конечно, казнили, но клановость общества никуда не делась. Там и советской власти, как таковой, никогда

не было. Местные баи уверены, что и при империи все останется по-прежнему. Надо бы их разочаровать.

– Разочаровывайте, – усмехнулся Николай Александрович. – На то вы у нас глава службы безопасности. А по поводу Индонезии и прочих желающих я согласен, объявим о десятилетнем кандидатском сроке. Михалыч, будь другом, озадачь социоинженеров, пусть разработают комплекс изменений во внутреннем устройстве для стран-кандидатов. При чем довольно жесткий.

– Сделаю, – пообещал тот. – А пока предлагаю увеличить количество разведывательных дроидов на порядок, без нашего ведома на Земле и мышь не должна чихнуть. Вспомните творившееся в нашей реальности в первые полтора столетия после войны. Думаю, все это вскоре начнется и здесь. И я хотел бы это предотвратить.

– Обязательно начнется, – тяжело вздохнул капитан. – Но ты прав, даю добро. Может, и получится не допустить хотя бы самых гнусных вещей. А теперь, простите, я к медикам, совсем сдал. Надо немного поправить здоровье.

Таорай попрощался и вышел, размышляя о том, что следует сделать в первую очередь. А Николай Александрович тяжело поднялся с кресла, активировал внутрикорабельный телепорт и переместился в медцентр, где его с нетерпением ожидала Алена Ивановна Паншина, пообещавшая капитану, что если тот не появится в течение двух часов, направить за ним медицинских дроидов и привести силой.

Повернувшись на другой бок, Сом приоткрыл один глаз и натолкнулся взглядом на свернувшуюся клубочком Дару Асвази, одну из его подруг, она смешно посапывала во сне, шевеля симпатичным курносым носиком. Как девушка рассказывала всем знакомым, она результат дикой смеси народов, в ее семье имелись белорусы, тайцы, индейцы-гуарани, французы, немцы, англичане, чукчи, лаосцы и казахи. При этом она, как и все жители империи, считала себя русской, и другого языка, кроме русского, не знала, да и не нужны были старые языки никому, кроме лингвистов.

С другой стороны спали Кира Халикян и Алена Хоботова, полуармянка-полуеврейка и роскошная северная красавица, в которой смешались русская и норвежская кровь. Обе были довольно крупными и широкобедрыми, но очень спортивными девушками. Одна – смуглая шатенка с раскосыми глазами, а вторая – голубоглазая и белокожая валькирия с роскошными русыми волосами до бедер. Еще одна их подруга, Есико Нгуен-Данг, полуяпонка-полувьетнамка, уже проснулась и сидела на кровати, задумчиво рассматривая свои коротко подстриженные ногти.

Сом радостно улыбнулся, вспомнив прошедшую безумную ночь. Скажи ему в Воронеже, что он будет жить сразу с четырьмя красавицами, причем разными, как день и ночь,

он бы только пальцем у виска покрутил. Но на Ирине число женщин в последнее время превышало число мужчин чуть ли не вдесятеро, впрочем, на этой луне изначально так было, так что многоженство стало здесь естественным и привычным. Мало того, к ним собирались присоединиться еще две или даже три девушки, и его подруги ничего против не имели – они прекрасно уживались вместе, легко находя общий язык. Такого понятия, как ревность, на Ирине просто не существовало, его не знали, а когда растерянный Сом спросил у подруг, не станут ли они ревновать друг к другу, на него долго удивленно смотрели, потом потребовали объяснить, что он имеет в виду. А когда парень кое-как объяснил, пожали плечами и заявили, что о таких пережитках эгоизма в обществе молодых имперцев, а тем более коммунаров, давно позабыли. Что он живой человек, а не чье-то имущество, ведь ревность – это всего лишь обостренное чувство собственности. Андрей, полигамный, как и каждый, наверное, мужчина, был только рад. Хотя выкладываться, чтобы удовлетворить сразу четырех девушек, приходилось сильно.

Есико заметила, что парень не спит, радостно улыбнулась, бесцеремонно откинула с него одеяло, обнаружила обычную утреннюю мужскую проблему и без промедления оседлала его. Не успел Сом опомниться, как ему на лицо села еще одна девушка, он даже не успел понять, кто именно, кажется, Дара. Но это не имело значения, и Андрей полностью отдался удовольствию, изо всех сил стараясь доставить подругам

радость. Случившееся далее касалось только их пятерых.

Встав, все члены семьи быстро приняли душ, позавтракали и разбежались, каждого ждала учеба. Андрею сегодня предстояли самостоятельные полеты, а потом профорientация. Он страшно переживал, никак не мог решить, что именно выбрать. Дальний поиск или каботаж? Служба в военном флоте или в гражданском? Атмосферные или космические полеты? Именно от этого зависели преподаваемые в летной школе «Альбатрос» предметы. Однако парень все больше склонялся к дальнему поиску, в который они могли отправиться всей семьей, а ему настолько нравились подружки, что Сом подумывал об узаконивании отношений. Однако в этом случае в семью придется брать, как минимум, еще трех, а то и четырех девушек, причем определенных специальностей. Подружки тоже предпочитали именно поиск и понемногу уговаривали Андрея на это, а по поводу дополнительных девушек успокаивали будущего мужа, утверждая, что без проблем найдут нужных. До них почему-то никак не доходило, что парень страшно боится не справиться, опозориться. Ведь он с четырьмя едва справляется! А если их будет девять, десять или одиннадцать? Экипаж поискового фрегата ведь обычно состоял из двенадцати человек, а отправлять в поиск на долгие годы предпочитали именно семьи. И как тут быть? Сом не знал, а потому сильно нервничал.

Ирина, большая, почти с Землю размером, луна на орбите газового гиганта, не имела морей, только огромные пресно-

водные озера, посреди одного из которых и находился остров Кубарин, размером с полтора Мадагаскара. На нем еще в первые годы после прибытия Ф-673 «Нептун» и построили летную школу, тогда только для атмосферных полетов. Однако лет через сорок потребовались пространственные пилоты для каботажных рейсов между Ириной и Александрой, на последней тоже создали небольшую пока еще колонию, но быстро ее развивали. А уж после прибытия «Снегиря» она начала разрастаться, как на дрожжах. И это было только начало. Получившие там землю американские, немецкие, испанские, индийские и японские фермеры собирались расширять пахотные угодья. Они буквально вгрызались в работу, радуясь новым домам и большим фермам, которые никакие банки не отберут за долги. А их дети пойдут в имперские школы и вырастут уже имперцами, так было в родной вселенной снегиревцев, так будет и здесь.

Луна буквально кишела жизнью, хоть и не так, как знаменитая Пандора, но южно-американским джунглям она давала сто очков вперед. Потому и организовали школу на острове, что здесь не водились самые опасные виды животных и насекомых, с которыми приходилось сталкиваться на большой земле. Там вокруг всех поселений ставили отпугивающие инфразвуковые барьеры, но это не всегда помогало, и тогда жителям поселения приходилось братья за оружие. В итоге крупные города и поселки окружили стенами и энергощитами, которые не могло преодолеть зверье. А с мик-

роорганизмами вполне справлялась биоблокада, сыворотка для которой была привезена еще из родной вселенной. Там ведь тоже осваивали и Ирину, и Пандору.

На Кубарине жило не так много людей, всего около тридцати пяти тысяч, и в основном, это были преподаватели и учащиеся различных профессиональных школ и училищ. От летных до инженерных и врачебных. Молодежь прибывала сюда со всей Ирины и даже Александры, а после прилета «Снегиря» с Лейты и Земли. Правда, с Лейты были в основном специалисты, среди колонистов не имелось не закончивших обучение, такие просто не проходили отбор. Зато из Солнечной системы потянулся с каждым днем все быстрее растущий ручеек абитуриентов.

Андрей оказался всего лишь первой ласточкой, уже через неделю после него в летную школу начали прибывать новые курсанты. Многие молодые земляне не упустили шанса исполнить недостижимую дома мечту, ведь дома в летное училище без идеального здоровья не поступишь, а здесь без проблем. В придачу еще и это самое идеальное здоровье приобретешь в медкапсуле. Правда, все абитуриенты в обязательном порядке проходили ментоскопию, только после этого они допускались к имперским технологиям. Однако до сих пор завернули только одного курсанта, англичанина, оказавшегося махровым эгоистом. Остальные действительно были крылатыми душой мечтателями, стремящимися в небо.

До летной школы Сом добирался через местный телепорт,

давно привыкнув к такой роскоши. А ведь ириняне не знали такого до появления «Снегиря», перемещаясь либо на вездеходах, либо на флаерах и глайдерах. Но не зря говорят, что к хорошему привыкают быстро. Андрей едва не опаздывал, поэтому от телепорта помчался бегом и успел в последний момент перед построением, кивнув приятелям по учебе – имперцу Астесу Ровину, как и все здесь, являющим собой дикую смесь множества народов, и Витьке Роховцеву из Минска, который первым из землян после него самого появился в «Альбатросе».

– Доброе утро, товарищи курсанты! – словно из ниоткуда возник перед строем куратор группы, Роберт Михайлович Синицин, среднего роста подтянутый мужчина с волевым лицом и седыми висками, он был из стариков, частично прошел Великую войну и являлся великолепным, профессиональным пилотом, водил все, что летало, от левицикла до тяжелого крейсера.

– Здравия желаем, товарищ майор! – в один голос отозвался строй.

– Молодцы, молодцы, – расплылся в улыбке куратор. – Ну что ж, ребята и девчата, сегодня у вас первые самостоятельные полеты на истребителях «МиГ-380». Тесты вы все сдали успешно, поэтому к полетам допущены тоже все. Роль инструктора в полете будут выполнять встроенные искины. По машинам!

Курсанты, дав запрос через вживленный каждому в мозг

имплант в диспетчерскую училища, выяснили, кому какой истребитель предназначен, и ринулись к ним. Вскоре в кабинах всех восемнадцати «МиГов» сидели молодые пилоты. Они не спеша, строго по инструкции и куцему опыту, набранному на тренажерах, напрямую включились в системы управления, провели сопряжение мозговых имплантов с искинами, получили схему взлета и начали поднимать свои самолеты в воздух прямо с посадочных площадок, на которых те стояли. Восемнадцать крылатых машин футуристического вида поднялись на три километра и выстроились в два атакующих ромбических построения. А затем двинулись к полигону, стараясь держать свои машины ровно.

Сом страшно волновался, ведя самолет, ему казалось, что тот трясется и раскачивается, что сейчас он сделает что-то не так и опозорится в глазах майора, перед которым буквально преклонялся – тот летал, как бог. Однако держал себя в руках, не поддаваясь панике.

До полигона все курсанты долетели без особых проблем, разве что два истребителя слегка отстали, их пришлось возвращать в строй искинам, и Андрей был очень рад, что это не коснулось его. Парень с интересом наблюдал, как его сокурсники отлетывают обязательную программу, да и сам отлетал ее без проблем, куда больше волновала предстоящая импровизация, когда каждый будет пытаться показать освоенные на тренажерах фигуры высшего пилотажа. Он подумал, что если бы дома, на Земле, так учили летать, то име-

ли бы куда больше профессиональных пилотов. Но это ведь дорого, столько летать на всем, что летает! А там был капитализм, для которого главное – прибыль, вот и сэкономили на всем, что могли, получая на выходе едва умеющего взлетать и садиться дилетанта. Надо же, он учится всего три месяца, а уже первые полеты, и не просто, а с высшим пилотажем!

Обязательную программу завершили, и курсанты по списку начали импровизировать. Правда, мало кто решался на что-то нестандартное, ограничивались бочками, иммельманами и переворотами. Ну и более простыми фигурами – восьмерками и виражами разного вида. А вот Андрей в тайне от сокурсников подготовил на тренажере кобру и колокол. Он понимал, что демонстрировать их во время первого реального полета не стоит, но слишком хотел показать куратору, что достоин его внимания.

Пришла его очередь, и Сом разогнал самолет, выходя на высоту и начиная крутить бочку. Мягко перешел в иммельман, а затем прокрутил и другие фигуры. В конце импровизации он продемонстрировал кобру, а вот колокол получился смазанным. Да и вообще пилотировал парень немного неуверенно, и сам это понимал. Чтобы стать хорошим пилотом нужно летать, летать и еще раз летать! И он собирался делать это, как только представится возможность. Благо, внедренный в мозг имплант позволял очень быстро учиться.

– Курсант Соменко! – вышел на связь майор. – Ты, зараза, что творишь?! Вам какие фигуры было разрешено показывать, а? Два наряда вне очереди!

– Есть, два наряда вне очереди! – уныло отозвался Андрей.

– Но все-таки молодец. Признаю. Если постарайся, к концу курса станешь толковым пилотом. А теперь всем циркулярно: возвращаемся на аэродром! Посадка вертикальная на площадки с номерами, совпадающими с номерами ваших машин.

Не прошло и десяти минут, как все самолеты успешно сели, и вскоре курсанты снова выстроились перед куратором. Тот прошелся перед строем, внимательно оглядывая каждого и что бурча себе под нос. Потом подошел к Андрею и приказал:

– Соменко, следуйте на комиссию профорientации, вас там уже ждут. И как это вы обратили на себя внимание лучшей пилотессы школы? Ума не приложу! Бегом марш!

– Есть! – гаркнул Андрей и понесся к главному корпусу «Альбатроса», напоминающего собой скрученный втрое бублик.

Быстро поднявшись на лифте на шестьдесят восьмой этаж, парень вошел в секретариат.

– Соменко? – спросил его местный искин.

– Так точно!

– Идите в восьмой кабинет.

В указанном кабинете Андрея ждали замдиректора школы Арвен Иванович Абасидзе, заместитель по летной части Георгий Александрович Малышев и незнакомый мужчина с жесткими серыми глазами. Помимо них, вот неожиданность, в уголке скромно сидели, сложа руки на коленях и изображая из себя пай-девочек, Дара и Есико. Только в этот момент парень понял, кого имел в виду под лучшей пилотессой школы куратор. Дарина Асвази действительно считалась таковой, побеждая на всех летных соревнованиях.

– Добрый день, молодой человек, – поздоровался незнакомец. – Эти девушки сказали, что являются вашими женами. Это так?

– Официально еще нет, но как только распишемся, станет так, – не стал отказываться от своих девочек Андрей, он их успел полюбить и хотел прожить с ними всю жизнь.

– Они также утверждают, что оговорили с вами возможность выбора на профориентации дальнего поиска. Если это так, то по окончании школы вашей семье выделят фрегат нового поколения с автономностью до шестисот световых лет.

Сердито посмотрев на девушек – они же еще не решили, что именно выбрать! – Андрей вздохнул и произнес:

– Да, мы оговаривали такую возможность, и, если честно, мне подобное распределение нравится куда больше других вариантов.

– Отлично, молодой человек, отлично! – потер руки зам-

директора. – Но вы учитываете, что на корабле дальнего поиска все должности должны быть заняты членами семьи? А экипаж составляет от десяти до двенадцати человек. Полет может длиться десятками лет!

– Разрешите сказать! – пискнула Есико, почему-то виновато посмотрев на Андрея.

– Говорите.

– Мы нашли специалисток на все вакантные должности, итого нас будет двенадцать. Включая капитана и общего мужа.

– Хм-м-м... – покрутил головой незнакомец. – Вы уверены? Может, все-таки лучше две или три семьи в экипаж?

– Нет! – в один голос заявили девушки, уставившись на Сому требовательным взглядом и незаметно кивая, соглашайся, мол.

Но сам Андрей пребывал в замешательстве. Одиннадцать жен?! Да они с ума сошли! Он и с четырьмя едва справляется! Однако Дара с Есико продолжали подавать будущему мужу требовательные сигналы. Интересно, кого они там нашли? Трудно сказать, но Андрей своим девочкам полностью доверял, они плохого не сделают. Поэтому, немного подумав, решил, что со всем справится, и выдохнул, словно прыгнув в омут с разбегу:

– Согласен!

– Вот и хорошо, молодой человек, вот и хорошо, – удовлетворенно покивал замдиректора, что-то отмечая на экра-

не планшета перед собой. – Значит, переводим вас на интенсивную программу обучения космическим полетам. Эта программа займет два года, если не спешить, и год при ускоренном обучении. В последнем случае вам придется нелегко. Какой вариант выбираете?

– Ускоренный! – отозвались парень и две девушки.

– Что ж, так и запишем. Можете быть свободны. И позовите следующего.

Глава 2

Имперские солдаты, не поленившиеся прибыть за ним на челноке в Черногорию, привели Михаила в какой-то кабинет и велели садиться. Сами ушли, оставив бывшего блогера и политика, а ныне безработного алкоголика и матерщинника, в одиночестве. Он долго пытался понять, что им от него может быть нужно, но так и не понял. Эмигрант, давно бежавший из Украины. Да и Украины больше не было – повешение всего украинского руководства Михаил не поленился посмотреть, и тех, кого он считал друзьями, и врагов. Как, впрочем, и записи казней английских и американских власть имущих. Именно тогда до него дошло, что новая власть лютая и безжалостная, теперь о свободе личности, за которую веками боролись либералы, можно позабыть. Не говоря уже о свободной Украине, за которую он с начала двухтысячных боролся и постоянно проигрывал, поскольку власть в стране все время перехватывали птенцы Сороса, будь они трижды прокляты.

Неуверенность давила на нервы, особенно раздражала непривычная трезвость – перед тем, как завести арестованного в кабинет, имперские солдаты что-то вкололи ему, и теперь он был омерзительно трезв, голова стала кристально ясной и чистой, такого состояния Михаил даже и не помнил. Привык с утра принимать по паре порций виски, иначе не ра-

боталось.

На память пришли записи уничтожения нацистов на Земле, и арестованный понурился – среди них хватало тех, кто всей душой готов был служить Украине, убивать и умирать за нее. Пусть нацисты, зато свои. Теперь никого из них в живых нет. Удивляло, что имперцы точно так же, как и всех остальных, перебили русских нацистов. Выходит, для них своих нет? Если исповедуешь негодную им идеологию, то ты враг, даже если готов воевать за них? Это удивляло и настораживало. Одновременно Михаил прекрасно понимал, что противопоставить проклятым пришельцам просто нечего. И некому – все те, на кого он ориентировался, мертвы. Западная цивилизация, которую он полагал светочем, низведена в ничтожество, и ей больше никогда не подняться – не дадут. И принес же черт этих имперцев в родную реальность! Сидели бы дома, так нет же – приперлись и все изгадили!

Он прекрасно понимал, что Запад собирается использовать его страну, как таран против надоевшей всему миру до зубной боли России, но был совершенно не против. По очень простой причине – после разделки туши медведя соседям тоже досталось бы по куску, хорошему такому куску, не каждый бы переварить смог. Так что дело стоило усилий. Кто же мог знать, что из космоса явятся проклятые имперцы и разрушат все, что можно было разрушить? Да никому ничего подобного и в голову не приходило!

Какой-то шум заставил Михаила вскинуться. У окна кто-то стоял, причем лица этого кого-то не было видно.

– Ну и зачем вам понадобился ничего не решающий политэмигрант? – насмешливо спросил арестант. – От меня ничего не зависит, давно уже не зависит! А теперь даже блага в телеграме нет.

– Да вот, хотел на тебя лично посмотреть, – негромко произнес имперец, его голос почему-то показался очень знакомым. – Попросил отыскать тебя и доставить ко мне.

– Зачем?

– Хочу понять, как я смог превратиться в такую вот гниду и падаль.

Имперец вышел на свет, и Михаил с ужасом и изумлением узнал самого себя. Разве только моложе, подтянутее, без мешков под глазами и следов многодневного запоя.

– Позволь представиться, – брезгливо процедил имперец. – Михаил Хатлыга¹, возраст четыреста сорок шесть лет, имперский офицер, прошедший почти всю Великую войну. Участвовал в штурме Парижа, Лондона и Нью-Йорка. Наши реальности разошлись в 2003-м году. До того мы были одинаковы. Но я остался человеком, а ты превратился в гниду. Почему?

Арестант ошалело смотрел на него и хватал ртом воз-

¹ Автор напоминает, что книга является авторским вымыслом и любые совпадения с реально существующими людьми и событиями случайны. Кроме известных исторических личностей. А если у каких-либо героев и имелись прототипы, то их имена и биографии изменены. (Прим. автора).

дух. Встретить самого себя из другой реальности, да еще и прожившего несколько столетий, он никак не рассчитывал. Да и не представлял, что такое в принципе возможно. Но почему альтер-эго считает его гнидой? За то, что все силы прикладывал ради возвеличивания родной страны? А сам-то? Почему он с русскими, будь они прокляты?! Михаил прекрасно помнил себя в 2003-м году – он уже тогда был украинским националистом, пусть умеренным, но националистом. Да и кем он мог быть, увидев клоаку, в которую превратилась Россия в 90-е годы? А ведь на родной Украине тогда творилось намного худшее, и он это прекрасно понимал, но надеялся, что ей удастся подняться за счет России. Однако получилось наоборот, Украина окончательно превратилось непонятно во что, а Россия начала развиваться с какой-то безумной скоростью. Она постепенно становилась опасной для всего цивилизованного человечества. К счастью, западные разведки сумели устранить ее лидера и вернуть к власти либералов, начавших успешно вгонять страну обратно в 90-е, в отчаяние и нищету. Для Украины, по мнению Михаила, это было великое благо. Почему же в другой реальности его двойник имел иные взгляды? Почему?!

– Почему?... – переспросил имперец, видимо, последние мысли арестант произнес вслух. – Да, я когда-то тоже мечтал о великой Украине. Но потом случилось так, что Россия стала империей, и на нее двинул войска весь западный

мир. В том числе и бандеровцы, понадеявшиеся на подачки господ. Западные армии шли через нашу территорию, и вот тогда-то украинцы поняли, что такое Запад. Какая это мерзость и гнусность. А уж кем стали наши националисты... Подпалачиками. Карателями. Нелюдью. Зверьем. После того, что я видел и пережил, единственным выходом было прорываться к русским и воевать вместе с ними против всей этой гнуси. Вот, смотри, эти ролики записаны из моей памяти. Смотри, тварь фашистская! Интересно, ты после такого продолжил бы лизать задницы западным скотам?

Напротив развернулся уже знакомый Михаилу имперский голографический экран, с таких сейчас сообщали важные новости. На нем появилась... мама. В знакомом до боли старом пальто, у нее действительно было такое в начале двухтысячных. Она собиралась куда-то пойти, говоря, что там должны хлеб и гречку выбросить, а то дома совсем нечего есть. Его голос уговаривал ее посидеть дома, лучше он сам сходит, но мама отмахивалась, она с кем-то там договорилась встретиться и обменяться слухами. Уговорить ее так и не удалось, и пожилая женщина покинула квартиру. Михаил мельком увидел в зеркале напротив свое расстроенное, совсем еще молодое лицо. Квартира ничем не отличалась от той, в которой их семья жила тогда, разве что вон того шкафа не было. Но выглядела она значительно беднее. Хотя да, у них же война там была, так что ничего удивительного.

Увиденное дальше ввело Михаила в ступор, он сам не за-

метил, как по его щекам потекли слезы. Альтер-эго через несколько часов начал нервничать, поскольку мама не вернулась. Еще немного подождал и пошел искать. Нашел, причем довольно быстро. Только лучше бы не находил. На площади возле магазина на фонарных столбах висели люди. И одной из них была... мама. Все в том же старом пальтишке, только теперь грязном и рваном. С каким трудом молодой альтер-эго снимал ее, словами не описать. Михаил слушал его хриплый плач и проклятия убийцам, сам сжимая кулаки.

– Кто это сделал? – прохрипел он. – Кто, какая тварь?!

– Англичане... – скрипнув зубами, ответил имперец. – Шли через город, командующий ими майор решил показать туземцам их место... всего лишь... Я его потом нашел, поймал и допросил, пытаюсь понять, зачем. Он просто не понимал, что он сделал плохого! Всего лишь показал диким русским, что надо бояться цивилизованных белых господ. Да-да, украинцы для них тоже русские, и ты это прекрасно знаешь сам, не притворяйся, что не знаешь. Что, и после этого стал бы им ноги целовать, тварь?!

– Не-е-ет... – с трудом выдавил Михаил.

– А вот тебе еще кое-что, – продолжил давить альтер-эго. – Здесь ведь Аня жива?

Вспомнив сестру, националист кивнул. У нее было двое детей, племянников он любил.

– А у нас через полгода после гибели мамы ее поймали поляки. Думаю, тебе не надо описывать, что они сделали

с шестнадцатилетней девочкой? Украинские националисты спокойно наблюдали за этим, хотя она по-украински просила у них помощи, а когда пшечи насытились, сами продолжили изнасилование. А когда им надоело, насадили Аню на железную пику от забора, умирала она долго. Когда я ее нашел, она была еще жива. Мне пришлось ее добить, чтобы не мучалась...

Представив себе такой ужас, Михаил затрясся, как в лихорадке, перед глазами стояла эта страшная картина. Добить? Сестру добить?! Какая жуть! И это сделали такие же украинские националисты, как он сам?! Да как так?! А ведь альтер-эго не лжет, он понял это сразу. Святой Господи, так что же это получается, он всю жизнь был на стороне нелюди?! Но нет, не может быть, подонков среди любого народа хватает! Ане просто не повезло натолкнуться на таких! А остальные – золотые люди!

– Как я после этого люблю украинство и украинских нацистов ты и сам понимаешь, – губы имперца кривились, видно было, что ему и до сих пор больно от случившегося тогда. – Я жизнь положил, чтобы всех вас, твари, достать! Это благодаря мне, чтоб ты знал, у нас в империи не осталось ни одного носителя вашей поганой идеи. И то же самое я сделаю здесь. Не сомневайся, сделаю. Опыт имеется.

– Что, тоже будешь убивать женщин и стариков? – хрипло спросил Михаил. – И чем ты тогда лучше тех, кто изнасиловал и убил Аню?..

– Зачем? – презрительно поинтересовался альтер-эго. – Те из умеренных националистов, кто будет молчать, спокойно доживут свои никчемные жизни, вот только детей их мы воспитаем сами. А они будут с ужасом смотреть, как их дети становятся имперцами, которых тошнит от самого понятия Украина и украинство.

Он снова зажег голоэкрэн и показал имперских детей и молодежь. Их непонятные занятия, их странные интересы, абсолютно чуждые выгоде и стремлению удобно устроиться в жизни. Молодые имперцы буквально горели, они стремились в небо, они летали в космос и ныряли в мировой океан, они жили так, что Михаил непроизвольно позавидовал. И среди интересующих их идей действительно не было места для украинства, оно было им абсолютно чуждым. Молодых имперцев интересовала только и исключительно империя и ее расширение, а любые национальные различия вызвали непонимание и брезгливое удивление, они не допускали даже мысли, что один народ может быть лучше другого, и все до единого считали себя русскими, отчего украинскому националисту стало тошно и больно.

В этот момент Михаил осознал, что если новое поколение украинцев действительно вырастет таким, то он зря прожил свою жизнь. А ведь им уже почти удалось создать новую нацию, оторвав ее от проклятых русских! Да, пришлось выдумывать несуществующую историю, подменяя ее реальную, и он в этом принимал деятельное участие. Представив,

что отдает все силы обратному, Михаил содрогнулся. Раз его альтер-эго ненавидит украинство всей душой, то он работал против Украины и западного мира. Нет, он прекрасно понимал, почему тот обозлился, он бы тоже обозлился на его месте. Но разве трудно понять, что не все украинские националисты такие?! Чем его привлекли проклятые кацапы, будь они прокляты?! Почему он на их стороне?!

– За что вы так ненавидите Украину? – прохрипел Михаил. – Что она вам такое сделала?..

– За то, что она – искусственная анти-Россия! – брезгливо выплюнул имперец. – Ее история выдумана вами, смысл ее существования в борьбе с Россией. Зачем вам понадобилось создавать такой жуткий нацистский симулякр? Зачем вы возвели на пьедестал героев подонков, фашистов и предателей Бандеру, Шухевича и Мельника? Других героев не нашлось?

– Они боролись против России! Эта проклятая страна всегда мешала нашей свободе!

– Ты и сам поверил в эту трескучую демагогию? Удивительно. Тебе ли знать, что все это ложь и фальшивка.

– Знаю, – пожал плечами Михаил. – Зато эти идеи помогали в создании украинской нации и отрывали ее от русских. Жаль, мы не успели...

– И уже не успеете, – неприятно усмехнулся имперец. – В живых из вас остался очень мало кто. А за выжившими установлен круглосуточный контроль. Ваше скотское укра-

инство должно сгнуться вместе с носителями этой идеи. Жаль только, что многие из тех, кто в нашей реальности стоял в наших рядах и воевал, здесь оказались националистами и даже нацистами. Мне больно было выносить смертные приговоры тем, кто там, на Великой войне, были моими друзьями. Но пришлось – мразь, в которую они превратились здесь, права на жизнь не имела.

– А что с тобой случилось после гибели Ани? – не сдержал любопытства националист, надеясь отвлечься от горьких мыслей.

– Что? – на мгновение задумался альтер-эго. – Многое. Сначала два года вместе с такими же, как сам, у кого западники или националисты убили родных, пробирался сначала по Украине, а потом по России до Екатеринбурга, где русские остановили нашествие и встали в мертвую оборону.

– Но почему к ним?! – сжал кулаки Михаил. – Неужели не было другого выхода?! Почему к кацапам?!

– А к кому? – прищурился имперец. – К тем, кто повесил маму? Или к тем, кто насильовал Аню? Ты серьезно? Нет уж. А против этих тварей воевали только русские, потому к ним я и пошел. И не пожалел. Как мы перебирались через линию боевого соприкосновения – та еще история, но смысла рассказывать ее не вижу. Потом война. Двадцать восемь лет войны! Закончилась она в Америке. И на сей раз мы, а я давно стал русским, забыв о прежних взглядах, не простили никому и ничего. В мире осталась только наша империя! Лет че-

рез двадцать было изобретено преобразование тела, и я прошел его, снова стал молодым. К концу века были построены первые межзвездные корабли. И я тридцать лет пролетал капитаном фрегата дальнего поиска. Именно экипажем «Стремительного», которым я командовал, были найдены две системы с пригодными для жизни планетами – 55 Рака и 70 Змееносца.

– Капитаном фрегата дальнего поиска... – с искренней завистью повторил Михаил, и сам в детстве мечтавший о космосе. – А потом? И да, ты женился?

– И не однажды. У меня восемь детей, сорок шесть внуков, больше ста пятидесяти правнуков, более отдаленных потомков не считал. После ухода из дальнего поиска участвовал в колонизации нескольких планет, служил в Космофлоте. Участвовал в войне с агрессивными чужаками, похоже, потомками атлантов. Этого так и не выяснили. Когда объявили о новом способе колонизации, подал заявку на конкурс и был приписан к Д-212 «Снегирь».

Он коротко поведал об эпопее колонизационного крейсера, потом о решении выбрать эту реальность.

– И еще одно напоследок, – криво усмехнулся имперец. – Мы обнаружили документы, что западники, решив использовать Украину против России, приговорили украинцев к геноциду. Земли, оставшиеся без «фауны», должны были поделить между собой Германия и Франция. Польшу тоже приговорили, тоже ведь славяне. Хочу узнать, неужели ты и та-

кие, как ты, не понимали, как западники на самом деле к вам относятся?

– Да все мы понимали... – опустил голову Михаил. – Но Россия была страшнее, она могла разрушить наши легенды самим своим существованием, потому мы готовы были пойти на риск, лишь бы ее не стало. А с западниками надеялись договориться.

– Волки не договариваются с овцами, волки их режут, – усмехнулся альтер-эго. – Как можно было быть такими идиотами? Совсем ослепли от ненависти? Но ничего, вы проиграли. И проиграли навсегда! Мы об этом позаботимся, будь покоен. Вскоре сами понятия «украинство» и «Украина» уйдут в небытие. Мы ошибки Хрущева не повторим, не надеюсь. Вам будет некому передавать свои мерзкие идеи. Но ты так и не сказал, почему и как ты превратился в националистического подонка. Мы же были одинаковы. Как ты стал таким?

– Мы мечтали сделать из Украины свободную страну, в которой хорошо живет людям, которая с уважением относится к каждому своему гражданину, но для этого нужна была новая нация, а связи с Россией и ее историей мешали созданию таковой, – тяжело вздохнул Михаил. – Требовалось полностью отсечь Украину от России. Этого требовала сама логика ситуации. Но, похоже, пойдя по пути ненависти, мы ошиблись.

– Неужели ты это понял? – вздернул бровь имперец. –

Что ж, может ты и не безнадежен. Но на долгую жизнь можешь не рассчитывать. Ее надо заслужить. А теперь тебя отвезут туда, откуда взяли, в Черногорию. Живи, как хочешь, но учти, что за тобой наблюдают в каждый момент жизни. И стоит тебе попытаться что-либо предпринять, как окажешься на Сауле, будешь там доживать свой век. Среди себе подобных.

– Знаешь, лучше сразу ссылайте, – высокомерно заявил националист. – Ты и сам понимаешь, что я спокойно сидеть не стану, не тот характер.

– Вот сделаешь что-то, тогда поглядим, – хохотнул альтер-эго. – А по поводу страны мечты? Мы ее создали! До тебя не доходит, что такая страна может быть только всемирной, национальной – нет. Но черт с тобой, в конце концов, свое любопытство я удовлетворил. Ты интереса не представляешь. Так что прощай, вряд ли мы еще раз увидимся. А меня ждет экспедиция к недавно обнаруженным объектам сверхцивилизации. Сиди и завидуй!

Он что-то сделал, снова появились солдаты и увели Михаила. Домой его доставили при помощи челнока. Войдя, он отмахнулся от вопросов жены и ринулся к бару – душа горела, жаждала выпивки. Требовалось осмыслить все, что случилось, а это лучше всего делать со стаканом виски в руках. Однако ощущение того, что жизнь бездарно слита в унитаз, не покидало его. И это, как ни горько признавать, слишком похоже на правду.

– Что думаете, Иван Петрович? – хмуро поинтересовался Семен Александрович, дородный хозяин дачи, на которой собралась компания, в недавнем прошлом председатель комитета по науке при мэрии. – Есть у нас шанс встроиться в новую систему управления?

– Боюсь, ни малейшего, – тяжело вздохнул упомянутый, пожилой лысый крепыш в классическом костюме.

– Почему? – удивился третий из старых знакомых, Кирилл Геннадьевич, зампредела избиркома, потеряв седой висок. – Неужели им не нужны опытные управленцы?

– Судя по всему, не нужны, – хмуро ответил первый заместитель мэра Иркутска. – Я, как вы знаете, вчера сходил в имперскую канцелярию. Так об меня ноги еще никогда не вытирали!

– Ну, ежели вспомнить повешенных мэра и лучших людей города... – поежился заведующий строительством. – Для них, похоже, нормальные человеческие отношения неприемлемы в принципе. Это где же такое видано?! За подарок или небольшой откат – смертная казнь на месте?!

Вспомнив длинную виселицу, на которой подергивались тела еще недавно уважаемых в Иркутске политиков и предпринимателей, все трое вздрогнули. Повезло, что их не сочли достаточно виновными и не тронули. Однако напуга-

ли до полусмерти. Зато как обрадовалась чернь! Вспомнив громовые аплодисменты жителей города при виде повешенных градоначальника с помощниками, Семен Александрович скрипнул зубами. Не простило поганое быдло, что вместо больниц и филармоний строились дачи и покупались яхты. Не доходило до него, что это правильно, что иначе в России и быть не может. Не должно! А быдло обойдется. И что бы новая власть ни делала, все равно ситуация станет прежней, ей бюрократию не победить. Он высказал свои мысли вслух.

– Боюсь, все у них получится, – тяжело вздохнул Иван Петрович, выслушав его. – Они почти полностью исключили человеческий фактор из схем управления, у них всем управляют искусственные интеллекты, которым в принципе не нужны ни подарки, ни откаты, ни, будем честными, взятки. И бюрократию они разводить не станут, поскольку работают максимально эффективно.

– Твою мать! – выругался Кирилл Геннадьевич. – И что же делать?

– Доживать свой век, – пожал плечами заместитель мэра. – Мы с вами люди уже немолодые, нам недолго осталось.

– А омоложение? – подался вперед зампреда избиркома. – Имперцы вон говорили, что по восемьсот лет молодыми живут. Я бы тоже не отказался...

– А кто бы отказался? – усмехнулся Иван Петрович. – Да только мне было прямо заявлено, что это не для таких,

как мы. Поскольку мы, с их точки зрения, дерьмо. Да-да, не удивляйтесь, так прямо и заявили. Нас в будущем быть не должно, наши жизненные идеалы и принципы должны, по их словам, умереть вместе с нами. После чего было сказано, чтобы мы сидели тихо, если хотим спокойно дожить свой век, а не быть сосланными на эту их Саулу. Знаете, я не хочу, лучше буду сидеть тихо.

– А деньги? – подался вперед Семен Александрович. – Нам же только по сто миллионов обменяли... А остальное?.. Неужели пропало?!

– Да, пропало! – отрезал заместитель мэра. – Скажите спасибо и за это! Вы не повешены, не сосланы, да еще и богаты. В империи, как я выяснил, деньги нужны только на рестораны и предметы роскоши. Знаете, я после канцелярии зашел в их продуктовый распределитель. Таких магазинов нигде и никогда не было, ни у нас, ни в Европе, ни в Штатах. Его за два дня не обойти! А уж продукты там такие, что я, а я гурман известный, вы это знаете, не видел никогда. Одних только фруктов больше трехсот видов с разных планет. Рыба шестиста сортов, мяса больше шестидесяти типов, а не курятина, свинина, баранина и говядина, как было у нас раньше.

– Ну, имелись еще перепела, кролики и индюшки, – вставил свое слово Кирилл Геннадьевич. – И дичь.

– Ой, оставьте! – скривился заместитель мэра. – Я ведь к чему веду? Да, хотелось бы заработать побольше и устроиться поудобнее, но не выйдет. Очень хочется омоложения,

но как его добиться? Не знаю. Повторяю, мы все в глазах имперцев – дерьмо, не достойное уважения. Просто потому, что жили по принятым в нашем обществе правилам. И этого никак не изменишь. Поэтому вы как хотите, а я ни в какой блудняк не полезу. Если нет возможности омолодиться, то хотя бы спокойно доживу свой век, пробуя всякие новые блюда. Тем более, что все эти продукты бесплатны, даже денег тратить не придется. Правда, на всякий случай я написал в канцелярии заявление о том, что если появится подходящая для меня вакансия, то я готов. Предложат что-то интересное, отказываться не стану. Может, и удастся заработать на повышение уровня гражданства. А это шанс на омоложение.

– Заявление? – задумчиво почесал лысину зампреда избиркома. – Надо будет и самому зайти в канцелярию, написать такое же. Вдруг, да повезет. А работы я не боюсь.

– Да и я зайду, пожалуй, – кивнул бывший заведующий строительством.

До беседки, где они сидели, донесся запах шашлыка, на который взяли в распределителе мясо какого-то пагарыка с планеты Пандора. Оно оказалось куда мягче и приятнее свинины, и почти без жира. Вскоре жена Семена Александровича принесла шашлык, овощи, знакомые и незнакомые, бутылку коньяка и рюмки. Бывшие чиновники потерли руки и приступили к трапезе, размышляя каждый над своим. Они надеялись все-таки устроиться во внезапно ставшем

неуютном для них мире и собирались приложить для этого все свои силы. Но не понимали, что их время безвозвратно прошло.

Глава 3

Господам генералам непривычно было самим посещать присутственные места, но имперская канцелярия плевать хотела на все их прежние заслуги, вот и пришлось добираться на своих машинах до Фили, где она располагалась. На самом деле оных канцелярий в Москве было шестнадцать в разных районах, но эта оказалась ближе всех, и бывший начальник Генштаба выбрал именно ее, а остальные его коллеги привычно последовали за начальством.

После захвата Земли имперцами генералы ждали, что к ним обратятся, ведь они, по их собственному мнению, верно служили Родине и сделали для нее немало, а что брали взятки и воровали, так это несущественные мелочи. Однако время шло, а к ним никто не обращался. Жизнь страны необратимо менялась, но они оставались в стороне. А ведь заслуженные господа надеялись на непыльные и выгодные должности в новой армии, тем более, что к этим должностям прилагались молодость и долгая жизнь. Уж кто-кто, а они все это заслужили! Опять же, по их мнению, конечно.

Возле канцелярии генералов никто не встретил, хотя они предупредили о своем прибытии. Бывший начальник Генштаба недовольно поджал губы и двинулся к входу. Внутри довольно долго пришлось препираться с каким-то невидимкой, утверждавшим, что человек, с которым они долж-

ны говорить, еще не прибыл, и предлагал подождать около получаса, поскольку генерал-майор Ракатов сейчас находится на Пандоре и раньше прибыть просто не сможет. Пришлось занять удобные кресла в зале ожидания, и никто не удосужился предложить ничего, кроме воды, чая и каких-то нелепых булок. Нет бы угостить уважаемых людей коньяком и сыром!

Однако ожидание закончилось, в канцелярию вошел молодой мужчина в мешковатом комбинезоне с погонями генерал-майора на плечах. Он смерил вставших старых служаек недовольным взглядом и процедил сквозь зубы:

– Следуйте за мной, господа. Товарищами вас назвать не могу.

Его тон заставлял ежиться, словно от мороза на свежем ветру. Похоже, этот человек относится к гостям крайне отрицательно. Интересно, почему? Начальник Генштаба резко тряхнул головой и последовал за наглым мальчишкой, возраст которого совершенно не соответствовал званию.

– Молодой человек, а вы не слишком много на себя берете? – возмутился он, оказавшись в уютном кабинете.

– Я старше вас в шесть раз, – процедил сквозь зубы имперец, – и полностью прошел Великую войну, закончив ее в Калифорнии. В этом звании. Не думал, что мне придется снова надевать форму, но пришлось. Не вас же ставить во главе армии!

– А почему не нас?

– Вы абсолютно бездарны, как военачальник. А уж то, как вы гробили армию совместно с либералами из правительства... Вы полагаете, что по вам всем не идет следствие? Ошибаетесь, господа, идет, еще как идет! И ежели будет обнаружено что-то совсем уж гнусное, вы поплатитесь. Если нет, спокойно доживете свою жизнь. Вы во время службы знали только одно – вредить армии! О воровстве я уже не говорю, но это нас не слишком заботит. Однако вы почему-то и к нам лезете, пытаясь навязать свою мерзость. Очень зря, господа! Мы прекрасно знаем, кто вы такие и чего стоите. В нашей реальности почти все вы были расстреляны перед строем за огромные потери, произошедшие по вашей вине.

От слова «расстреляны» бывшего начальника Генштаба передернуло. Это что же такое сотворил его альтер-эго в той реальности? О том, что он не слишком талантлив и профессионален, как военный, генерал армии и сам прекрасно знал – в его случае сработал так называемый отрицательный отбор, когда мешающего командованию частью человека выдвигают на повышение, лишь бы избавиться от него, убрать из зоны видимости. Не понимают, что однажды он станет их же командиром, и будет вправе принимать решения. А эти решения вполне могут оказаться гибельными.

– Помимо того, мы повстречали по дороге еще одну реальность, где Россия под руководством второго президента начала специальную военную операцию по денацификации Украины, – продолжил имперец, неприятно усмехаясь –

И там ее разрабатывали под вашим и других подобных деятелей руководством. В итоге погнали людей и технику колоннами по дорогам без прикрытия, не озаботившись никакой вменяемой тактикой, в результате чего потери оказались огромными. К сожалению, я не знаю, что там дальше случилось, доступа туда мы больше не имеем. Но ваша «квалификация» нам ясна, как божий день. Так что, господин генерал армии, нам с вами не о чем говорить. Скажите спасибо, что вас не повесили, как откровенного предателя, все-таки вы таковым не являетесь, просто чиновный дурак. Но мой вам совет: сидите тихо и не отсвечивайте, иначе вами займутся. И это вам вряд ли понравится. На омоложение можете даже не надеяться, такие нам в будущем не нужны.

– Это жестоко... – уронил один из генералов.

– Жестоко? – изумленно вздернул брови имперец. – Да что вы говорите? А гробить армию в угоду предателям было не жестоко? А тащить все, что плохо лежит, было не жестоко? А затаптывать всех по-настоящему талантливых офицеров было не жестоко? Видимо вы, господа, полагаете, что вам простимо все? Могу заверить, что это отнюдь не так. Как я уже говорил, идет следствие. Дай вам бог, чтобы за вами не было измены. Обнаружим, значит виновного повесим. В редких случаях сошлем на Саулу. Так что идите себе, нечего вам здесь делать. Ни у одного из вас нет и грана военного таланта. Да и никакого другого. С моей точки зрения вы самые обычные паразиты.

– Вы совершаете большую ошибку, отказываясь от всего прежнего, – поджав губы, встал бывший начальник Генштаба.

– Да нет. Мы не потащим за собой в будущее кучу дерьма, наложенную вами. Вы в нашей реальности сильно нагадили, здесь, к счастью, еще не успели, и это очень хорошо, вас вовремя остановили. Повторяю, идите себе, господа генералы. Вам нечего надеяться получить от империи что-либо, помимо положенного каждому гражданину.

Окончательно поняв, что разговор не получается, генералы тяжело поднялись и покинули кабинет, а затем и имперскую канцелярию. Добравшись до своих машин, они причастились коньяка из фляг, слишком отвратительно себя чувствовали, их никто и никогда так не втаптывал в грязь. И это было очень больно и обидно.

– То есть, мы из жизни вычеркнуты? – хмуро спросил незнамо у кого генерал-лейтенант Мельниченко.

– Похоже на то, – ответил ему Сомов, находящийся в одном с ним звании. – Тем более, что у них сейчас в больших чинах полковник Гаранов, помните, наверное, этого скандального деда. Он нам ничего не забыл и ничего не простил. Впрочем, он теперь даже не дед, его омолодили...

– Чем он лучше нас? – поинтересовался бывший начальник Генштаба, плохо переживший унижение.

– Совковская закваска, брать отказывался принципиально, сам не жил и другим жить не давал. Похоже, имперцы

тоже из таких.

– В какой же кошмар превратится наша жизнь, если все вдруг станут такими?! – ужаснулся еще кто-то.

– Не знаю, – хмуро ответил Сомов. – Не знаю. Но нас, похоже, ничего, кроме одинокой старости, не ждет.

Генералы повздыхали – дети, у кого они были, выросли полными эгоистами, и от родителей хотели только одного – денег и подачек. Так что слова об одиночестве затронули струнку в душе каждого. Оно их, похоже, и ждет. Новой власти последыши либерального порядка явно не нужны, это сегодня было заявлено имперцем четко. А по поводу следствия они не очень переживали, будучи фаталистами. Чему быть, того не миновать. Ни один не считал себя ни в чем виноватым. Все так жили, почему они должны были жить иначе? Кто сказал, что они обязаны являться примером?

Еще немного пообщавшись, господа генералы разъехались по домам.

* * *

Владимир лихорадочно рылся в интернете, но нигде не находил и следа своих книг, которые еще вчера были и приносили ему неплохой доход. А теперь ни на автор. тудей, ни на литмаркете, ни на литресе ничего о нем нет! А поисковые запросы выдают только однофамильцев. Господи! Это еще что такое?! Почему?! За что?!

В том, что это сделали имперцы, Владимир не сомневался ни мгновения. Никто больше не владеет такими возможностями. Да и интернет с момента вторжения в их полной власти, достаточно вспомнить появляющиеся на экране красные предупреждения с указанием реального имени и адреса человека, нарушившего какие-то их дурацкие правила.

– Что же делать?.. – у писателя даже руки затряслись, кто-то взял и отменил его, напрочь, начисто отменил. – Боже мой, что мне делать?..

Невзирая на все преференции, появление пришельцев Владимиру очень не понравилось, оно сулило множество неприятностей. Да, бесплатная еда, одежда, жилье, медицина и куча всего прочего. Но цена? Да-да, у всего этого бесплатного имелась цена, и немалая. Во-первых, гибель основы мировой цивилизации, западных стран. Да, у них хватало недостатков, особенно в последнее время, писатель отдавал себе в этом отчет, там слишком переувлеклись рекламой ЛГБТ и трансгендерства, да и попытки навязать всем повестку по поводу негров сильно раздражали. Но все равно именно Запад был светочем цивилизации, именно там зародились идеи личной свободы и либерализма. Во-вторых, жестокое уничтожение носителей неприемлемых для имперцев идей. Владимиру тоже не особо нравились нацисты, но они были живыми людьми, имевшими полное право на свои взгляды. А их за эти взгляды безжалостно перестреляли! В-третьих, разгром всех мировых преступных группировок. Ведь

они были, с его точки зрения, пристанищем сильных духом людей, не нашедших себя в обычном травоядном обществе. А куда теперь этим сильным людям податься? Притворяться овцами? Так не сможет волк притворяться овцой, все равно так или иначе себя выдаст.

Правда, по слухам, сейчас многие вербовались на колонизацию новых, опасных планет, там найдется, куда приложить себя и сильным. Если честно, Владимир и сам подумывал о таком, он всегда ощущал себя человеком фронта, которому уютная жизнь в комфорте поперек горла стояла. Но пока присматривался, смотрел передачи о разных мирах, искал по ним информацию в интернете, а имперцы ее немало выложили. Особенно нравилась писателю Пандора с ее безумно-активной жизнью. Там оглянуться не успеешь, как сожрут, нужно все время быть начеку!

Но Владимир никак не ждал, что его произведения, на доход от электронных продаж которых он и жил, чем-то помешают имперцам. Да, сейчас можно было легко прожить без денег, да и литературные сайты далеко не сразу приспособились к оплате в имперских рублях, но приспособились, и недавно он получил первый доход уже в них, на недавно открытый счет в «Первом имперском банке». Не сказать, чтобы много, всего сто двадцать три рубля, но на старые деньги это сто двадцать три тысячи, не так и плохо. Тем более, что теперь средства требовались разве что на поход в ресторан.

Выпив сто грамм водки и немного успокоившись, Влади-

мир понял, что нужно ехать в имперскую канцелярию. Однако сначала позвонил туда и выяснил, что по интересующим его вопросам следует обращаться к инспектору по культуре, очередь к которому сегодня имеется на шестнадцать часов. Он вздохнул и записался. Хорошо хоть не пришлось ждать несколько дней, он бы весь извелся от неизвестности.

Время тянулось, как резиновое, Владимир не находил себе места, то и дело бросая взгляды на циферблат настенных часов. Наконец пробило два, и он поспешил выскочить из дома, накинув легкую курточку – в августе в Омске было уже прохладно. До имперской канцелярии пришлось добираться двумя автобусами. Скорее бы уже запустили телепорты, как обещают! Тогда до любого конца города, да и любой точки страны на этой планете можно будет добраться почти мгновенно.

– Добрый день! – незнамо с кем поздоровался писатель. – Мое имя Владимир Палагин, у меня на шестнадцать часов очередь к инспектору по культуре. Где мне подождать?

– Здравствуйте, гражданин! – отозвался приятный баритон из невидимых динамиков. – Один из инспекторов как раз освободился. Кабинет номер восемнадцать на втором этаже. Пройдите вот в эту арку, и вы окажетесь рядом с ним. Прошу не опасаться, телепорт полностью безопасен.

Телепорт?! Владимир с интересом уставился на арку в стене, налившуюся желтоватым свечением. Затем тряхнул головой и решительно ступил в нее. В глазах на мгновение потем-

нело, и он оказался в широком коридоре, на противоположной стороне которого виднелся ряд дверей. Найдя восемнадцатый кабинет, писатель осторожно постучался.

– Добрый день, гражданин! – встретил его открытый взгляд черноволосого молодого человека. – Я инспектор по культуре, Джеромо Сергеевич Ванцетти. А вы?..

– Владимир Александрович Палагин, писатель. Вы итальянец?

– Я имперец, – улыбнулся черноволосый. – Но итальянские и испанские корни в нашей семье есть, да. Присаживайтесь. Что вы хотели?

– Понимаете, сегодня утром мои произведения исчезли из интернета, полностью... – со вздохом начал писатель. – А я был довольно известен в России... Упоминания обо мне тоже исчезли...

– Минуту, сейчас выясню, – повернулся к вспыхнувшему сбоку голографическому монитору инспектор.

По нему с дикой скоростью потекли какие-то тексты, Владимир издали не разобрал какие, только удивился про себя скорости обработки информации. Хотя да, мозговые импланты. Стоп. Но имплантам же не нужны мониторы! Тогда что это? Нарочитая показуха? Или он просто чего-то не понимает?

– Все ясно, – снова повернулся к нему инспектор. – Вам направляли повестку на электронный адрес, однако вы не ответили и не явились на суд, поэтому решение о блокирова-

нии ваших произведений было принято судебным искином самостоятельно.

Владимиру захотелось постучаться лбом об стол. Он действительно недели две не заглядывал в почту, увлекся дописыванием книги и забыл про все на свете, а там, оказывается, был вызов в суд. Он постарался объяснить ситуацию и попросил разъяснить, что делать в такой ситуации. И в чем он провинился, почему им вообще заинтересовались власти.

– Понимаю, увлечение творчеством – достойная причина, у самого такое бывает, – улыбнулся имперец. – Хорошо, я попытаюсь вам объяснить. Вопрос действительно очень важный. Понимаете, в первых ваших книгах герои были хорошими, добрыми людьми, они кидались на помощь другим, они не щадили себя, чтобы вытащить, например, ребенка из огня. А дальше что?

– Я повзрослел и понял, что в этом мире каждый сам за себя... – растерянно пробурчал писатель, до которого начала доходить подоплека происходящего. – То есть, по-вашему человек не может и не должен заботиться о себе?..

– Если не только о себе, то почему нет? – усмехнулся имперец и процитировал кого-то из древних: – Если я не за себя, то кто же за меня? Но если я только за себя, то зачем я?

Немного помолчав, он добавил:

– Дело в том, что люди прежде всего подразделяются на две страты. Тех, кто считает центром вселенной только себя самого. И тех, для кого есть нечто более высокое и важ-

ное, чем он сам. Страна, народ, общество, Бог, наконец. Когда миром правят первые, то он превращается в кошмар, адскую клоаку. Западная псевдоцивилизация была именно такой, выстроенной на зверином эгоизме. Мы же относимся ко второй страте и не позволим вкладывать в головы молодежи, что быть скотом, подонком и даже гнидой – правильно. А вы именно это в своих последних книгах и доказываете. И я не могу понять, зачем и почему. Ведь первые ваши книги были добрыми и человечными!

– Да неправда же! – растерялся Владимир. – Не подонки мои герои, совсем не подонки, они всего лишь сами по себе, они люди, не желающие иметь ничего общего ни с какими государственными структурами и прочей мерзостью! Сильные люди!

– Да? – прищурился имперец. – Хорошо, приведу пример из одной вашей книги. Некий герой искал себе автоматические заводы по производству чего-то там. Обнаружив большую космическую станцию, на которую собрались напасть враги, он дождался нападения, хотя мог предупредить о нем, а затем, когда на станции начали взрываться ядерные заряды, принял воровать нужные ему заводы, помещая их в пространственный карман. Не спасать выживших, не помогать несчастным, даже женщинам и детям, а обворовывать их! Так поступить мог только последний скот! Даже хуже. Вы же описали все это так, словно он поступил правильно. У вас есть что возразить?

Писателю перехватило дыхание. Ему не в первый раз поминали этот эпизод. Да как они не понимают, что иначе было нельзя?! Герой не мог ничего поделать, не мог остановить атаку, а заводы ему требовались. Помогать? А зачем? Кому? Незнакомым людям, которым он ничем не обязан? С какой стати?! Они ему ничего хорошего не сделали, так почему он должен был что-то делать им?! Ах, это, видите ли, жестоко! Достали со своей поганой моралью и этикой! Ох, как достали! Никто никому и ничего не должен! Каждый должен быть только сам за себя, максимум за свою семью, да и семье доверять нельзя, предаст при первой возможности. Тем более, что заводы жителям станции были уже не нужны, их все равно уничтожили бы вместе со всем остальным, а так герой в последний момент перед взрывами успевал их перехватывать. Да, он никому не помогал, но и не вредил, какое ему дело до склок местных жителей между собой? До их жизней? Сами во всем виноваты!

Не выдержав, Владимир возмущенно высказал все эти мысли вслух, не замечая, что чем дальше он говорит, тем большая гадливость проявляется на лице имперца. Когда он замолчал и понял, что него смотрят, как на кучу дурнопахнущей субстанции, то удивился. Почему? Он же все правильно, логично сказал! Это же основа мира! Нет ничего превыше самого человека! Только он сам решает, что правильно, а что нет! Неужели это непонятно?!

– Мда... – произнес, наконец, инспектор. – Я поначалу

посчитал вас человеком, искренне заблуждающимся человеком, которому можно что-то объяснить. А вы, оказывается, убежденная эгоистичная мразь. Что ж, буду говорить с вами именно как с мразью. За этот ваш монолог вы внесены в серый список. Для вас отныне запретны имперская медицина, перемещение телепортами, пребывание на других планетах, работа в пространстве и еще многое другое. Но самое главное, отныне вы обречены на молчание. Вы не сможете оставить ни одного сообщения ни на одном сайте интернета, ни в одном мессенджере. Вам доступны только голосовое общение по телефону и переписка посредством бумажной почты. Обеспечение необходимым остается на уровне обычного имперского гражданина. А ведь я хотел предложить вам выложить ваши первые книги снова, ведь там герои – люди, а не скоты, как в ваших последних опусах. Но после вашего гнусного монолога это предложение снимается. И вы виноваты во всем сами.

– В чем я виноват?! – выдохнул ошалевший от такой отповеди Владимир. – Что я сказал неправильно?! Люди – это звери, животные, скоты! По определению! Я их такими и показываю! Я правду пишу! И мои читатели понимают это! Чем раньше человек поймет, что все вокруг звери и скоты, тем лучше! Чем раньше он избавится от химеры под названием совесть, тем ему будет лучше житься! Как можно этого не понимать?!

– Люди, это крылатые душой существа, стремящиеся

в небо, – с грустью посмотрел на него имперец. – Если, конечно, их такими воспитать. Мы справились с этой задачей в родной вселенной, справимся и здесь. Вот, смотрите!

И на распахнувшемся перед Владимиром голографическом экране потекли кадры имперской жизни. Вот группа энтузиастов придумывает и испытывает новый планер. Вот молодые ученые разрабатывают новый принцип движения через гиперпространство. Вот несколько друзей, поддерживая друг друга, поднимаются на почти отвесную гору. Не бросают отставших, как положено на Земле, как делают земные альпинисты, а несут пострадавших на руках, даже если это угрожает гибелью всем остальным. И еще сотни подобных картин. Имперцы настолько отличались от всех знакомых писателя, что ему стало не по себе. Это были какие-то совсем другие люди, забывшие о своем естестве зверя, хищника. Они были не такие, неправильные!

– Мы никому не позволим калечить души молодых эгоистичным творчеством, – негромко произнес инспектор. – Вскоре ничего из него в свободном доступе не останется. Ни книг, ни песен, ни игр, ни фильмов. И я предупреждаю вас. Молчите. Пока вы молчите, вы живете. Откроете рот прилюдно – пожизненная ссылка на Саулу, в тот же день. Раз уж вы настолько убежденный подонок, то говорить с вами не о чем.

Владимир медленно встал, у него темнело перед глазами от отчаяния. Выходит, имперцы такие идиоты, что отрицают

человеческую природу? И активно пытаются переделать ее? Но ведь уже пытались сделать это в СССР. Не вышло. Значит, и не стоит! Нужно выстроить общество согласно природе, а не противореча ей! Выходит, они идеологические враги. Но как с ними бороться, если ему перекрыли любую возможность говорить с людьми? Как?! Писатель не знал, но сдаваться не собирался. Люди – это звери и скоты! Так правильно, иначе не бывает! И проклятые имперцы тоже так-вы, только почему-то притворяются другими. Зачем они это делают?!

Он снова сорвался и высказался. Его внимательно выслушали, после чего посоветовали заткнуться и выметаться. А на прощание инспектор бросил:

– Не думал, что человек может искренне верить в такую чушь. Вы же не были таким, я же прочел ваши первые книги. Что с вами случилось? Что вы с собой сделали?!

– Столкнулся с реальной человеческой натурой! – с ненавистью выдохнул Владимир. – С подлостью и безразличием! И все про людей понял. Я не пойму другого. Зачем вы притворяетесь, что может быть иначе?! Зачем эта ложь?!

– Какой же вы дурак! – укоризненно покачал головой имперец. – Но вы сами выбрали. А я все сказал. Пропаганду эгоизма мы прекратили и не позволим этим гнусным идеям снова появиться в общественном бессознательном. У вас и прочих ваших коллег не выйдет превратить мир в клоаку и сделать людей скотами. Вы многим перекорезили души,

многих извратили. Но мы вылечим если не их самих, то хотя бы их детей. А вы все канете в бездну. О вас забудут. Именно это ваш приговор – забвение!

Когда до Владимира дошли последние слова, он едва не упал. Понимал, что забвение – это самое страшное, что может случиться с творческой личностью. Однако ничего изменить было уже нельзя, и это он тоже понял.

Глава 4

Семен Петрович на мгновение задумался, прежде чем отправить описание своего многострадального проекта в имперскую канцелярию, но все же нажал клавишу Enter. Письмо ушло. Старый инженер не верил, что это что-то даст, вряд ли новой власти понадобятся его измышления, но не попытаться не мог. Сколько лет он надеялся протолкнуть идею использования атмосферного электричества, ведь это даст немалый экономический эффект, однако во всех инстанциях только крутили пальцами у висков, считая инженера очередным сумасшедшим изобретателем. Так он всю жизнь и проработал обычным энергетиком, пока в прошлом году не вышел на пенсию, начав отдавать все свое время доработке проекта в надежде, что тот все-таки кого-то заинтересует. Но все тщетно, никому и ничего не было нужно.

Жена умерла три года назад, дети разъехались по всей России, а дочь и вовсе укатила в Израиль, а оттуда в Канаду. Ее можно было понять, то, что творило в стране либеральное правительство, не укладывалось в голове. Целенаправленно разрушались целые отрасли промышленности, с таким трудом восстановленные во время правления второго президента. А пресса надрывалась воплями о благословенной свободе и отказе от имперского мышления, тщательно вылизывала пятые точки западников, утверждая, что вся цивилизация

там, а русским дикарям надо знать свое место у параша и не сметь претендовать на науку и какие-либо достижения.

Был шанс протолкнуть проект на Западе, но Семен Петрович не стал этого делать, слишком оный Запад презирал и даже ненавидел. Было за что, простить сотворенного западниками с его Родиной он не мог. Вспоминая СССР, старый инженер порой плакал. Какую страну погубили, сволочи! Понадобилось пожить при проклятом людьми и богом капитализме, чтобы понять, что они потеряли. Поняли, да только поздно было.

Неожиданное появление на орбите Земли инопланетного корабля потрясло пенсионера, он отслеживал любые связанные с ним новости, но тот несколько месяцев ничего не предпринимал и к нему попросту привыкли. Висит огромная тарелка на орбите, ну и пусть себе висит, раз ни во что не вмешивается. Однако случившееся после того, как корабль начал вмешательство, поразило до глубины души и вызвало глубокое удовлетворение. Наконец-то подонки, веками грабившие планету, заплатили по всем счетам. Разом! Своими погаными шкурами заплатили! Он смеялся, наблюдая на экране телевизора повешение важных дам и господ – заслужили, сволочи! Наконец-то пришло возмездие за все хорошее! Тогда он и задумался впервые, что стоит попробовать отослать имперцам свой проект, но все же решил подождать.

Появление социального работника, настройка окна мгновенной доставки и компьютерного терминала в его скромной

квартире не слишком удивили на фоне телевизионных передач. В империи смогли добиться того, чего не смог добиться даже Советский Союз – истинной социальной справедливости.

Семен Петрович вдумчиво исследовал новую реальность, часами ходил по распределителю, изучая непривычные инопланетные продукты и вещи. Такого разнообразия всего, как при капитализме, на первый взгляд не было, несколько моделей всего, но при этом очень удобные, красивые и ноские. Молодежь очень быстро оценила удобство имперских комбезов разных модификаций и почти поголовно перешла на них, если не считать немногих модников. Зато продуктов было намного больше, чем раньше, вот только они упаковывались не в яркие обертки, а в обычные бумажные пакеты из растворяющейся в воде особой бумаги, она не вредила экологии, за несколько часов превращаясь в удобрение. Ведь основная мусорная проблема заключалась в огромном количестве упаковок, на которых каждая фирма норовила прорекламировать себя, причем как можно ярче. Имперцам это было совершенно не нужно, реклама у них отсутствовала, как понятие. Если человеку или предприятию было что-либо нужно, он задавал терминалу поиск и получал список, в котором каждая позиция отмечалась рейтингом, зависящим от качества продукции.

Бесплатное распределение продуктов, одежды и всего необходимого для жизни удивило Семена Петровича, до та-

кого и Советский Союз не доходил. А уж медицина! Причем обычная, а не имперская, омолаживающая. По первой просьбе к старому инженеру прибыл врач, проверил его какой-то незнакомой диагностической аппаратурой, выписал лекарства, которые были тут же заказаны через окно доставки. Естественно, бесплатно. Если честно, Семен Петрович не знал на что ему теперь тратить огромную по прежним меркам пенсию, поскольку в рестораны не ходил, да и предметов роскоши никогда не покупал. Зачем они ему?

Казалось бы, живи и радуйся, что и делали большинство пенсионеров в их старом доме, восторженно рассказывая о новых блюдах, которые довелось попробовать, и тратя время на бесполезные сплетни. Семен Петрович такого никогда не понимал, он продолжал дорабатывать свой проект. И вот сегодня утром последние расчеты были завершены. Правда, при помощи подключения домашнего терминала к одному из имперских искинов, такая возможность для просчета крупных массивов данных тоже имелась, хотя найти ее удалось не сразу. Набравшись смелости, старый инженер составил и отправил письмо в имперскую канцелярию, сопроводив его результатами расчетов. Интересно, сколько придется ждать ответа? Наверняка долго.

Неожиданно голоэкран терминала вспыхнул зеленым светом, затем прозвенел зуммер, сообщая о телефонном вызове. Семен Петрович удивился – кому он мог понадобиться? Наверное, это из поликлиники, куда он давно должен был

приехать на диспансеризацию, звонят. Однако на экране появилось лицо молодого мужчины, в котором явно угадывалась негритянская кровь. Он вежливо поздоровался и спросил:

– Я вижу перед собой Семена Петровича Лугового?

– Добрый день, молодой человек, – кивнул ему старый инженер. – Да, это я. Вы по какому вопросу?

– Вашего проекта, – широко улыбнулся имперец. – Мое имя – Джеронимо Франсуазович Адельвайте, ведущий инженер энергетического отдела «Снегиря», возраст сто восемьдесят три года. Михалыч, наш главный искин, очень заинтересовался вашими расчетами и поставил на эту тему высший приоритет, поэтому, когда поступило ваше письмо, оно было рассмотрено вне очереди. Как профессионал могу сказать, что я в восхищении! Это же так просто, но почему-то никому до сих пор в голову не приходило, даже у нас! Не хотели бы вы посетить корабль и поговорить со специалистами?

– Корабль? – оживился Семен Петрович. – Конечно, хочу! Значит, мой проект все же заинтересовал вас? А ведь это только одна из закрывающих технологий! Их еще много. И атмосферная станция – не моя идея, я ее только проработал как следует.

– Закрывающие технологии? – нахмурился Джеронимо Франсуазович. – Что вы под этим подразумеваете?

– Закрывающая технология – инновационная категория,

которая в результате своего появления сокращает потребность в ресурсах, включая человеческие, – процитировал формулировку с какого-то сайта, кажется, из википедии старый инженер. – При этом закрывающая технология приводит к сворачиванию отдельных специальностей или отраслей промышленности без появления сравнимых по потребностям в ресурсах направлений. Иными словами, это технологии, требующие минимальных затрат, но дающие на выходе очень большой выхлоп.

– Понял вас, у нас просто забылся сам термин, – кивнул имперец. – Мы с самого начала строительства страны стремимся к таким технологиям, к ним, например, относится технология преобразования тела и долгой жизни. Да и основа гипердвигателей уже больше трехсот лет неизменна, только незначительно совершенствуется. Сейчас Михалыч шерстит архив земного интернета по поводу всех когда-либо упоминавшихся технологий такого рода. Первый его вывод, что информация о них в нашей реальности была утрачена во время Великой войны, и нам пришлось заново изобретать велосипед.

– Ясно... – задумчиво протянул Семен Петрович.

– Да, хочу сообщить, что создание проекта атмосферной энергетической станции дало вам гражданство первого класса, прошу подготовиться к медосмотру перед преобразованием тела, – снова улыбнулся Джеронимо. – Думаю, прожить еще семь-восемь столетий в молодом и здоровом теле лиш-

ним не будет, творцы вашего уровня должны жить долго!

– Вот уж не думал... – удивился старый инженер. – Знали бы вы, сколько я пытался протолкнуть этот проект у нас! Ведь электричество получалось почти бесплатным! Но никому это не было нужно...

– У нас не так, – сочувственно посмотрел на него имперец. – Любой толковый проект проверяется и тут же внедряется, если он того стоит. Ваш уже передан конструкторам и разослан по молодежным проектным группам. Думаю, через месяц можно будет говорить о рабочих чертежах первой атмосферной энергостанции, пока небольшой мощности.

– Удивительно...

– Не так давно был случай. Старые ученые знали, что такое невозможно, но пришла группа молодых наглецов и с ног на голову перевернула всю теорию телепортации. Ребята просто не знали, что это невозможно, и сделали!

– Таких учить – большая честь, – мечтательно улыбнулся Семен Петрович. – Жаль, что их так мало...

– Это здесь их мало, а в империи почти вся молодежь такая, – возразил Джеронимо. – понимаете, нас такими растят с раннего детства, крылатыми душой, стремящимися в небо, а не корыту, как на Западе. И в этой реальности будет так же, да, это нелегко, но мы снова вырастим крылатую молодежь. Получилось дома, получится и здесь.

– Нелегкая задача, – покачал головой старый инженер. – Но благородная. Не прочь буду присоединиться к ее реше-

нию.

– Добро пожаловать! – распахнул руки, как для объятий, имперец, он светло и радостно улыбался. – Мы всегда рады творцам! Сколько времени вам нужно на сборы?

– Да нисколько! – рассмеялся Семен Петрович. – На кой ляд мне эти стариковские шмотки? Ведь скоро я снова буду молодым!

– Обязательно будете! – заверил Джеронимо. – Тогда прошу!

Прямо в стене скромной квартиры старого инженера загорелась световая рамка портала. Он некоторое время постоял перед ней, а затем решительно шагнул внутрь. С прежней жизнью нужно было рвать сразу и без сожалений. Да и не о чем там сожалеть! Впереди ждало что-то невероятное, и Семен Петрович стремился к нему всей душой.

* * *

Мэри нервно жалась к Джону, утирая слезы. Ее в порталном вокзале Снегиревска пугало все, слишком здесь было странно и непривычно, не по-человечески как-то. Зато трое их детей, тринадцатилетние близнецы Джереми и Роберт, как и их младшая сестра Джейн, быстро освоились и уже вовсю поедали бесплатные сладости из автоматов, хвастаясь родителям, что имперское мороженое очень вкусное, дома, в Кентукки, такого не было.

– Ну что ты, успокойся, – добродушно прогудел Джон, обняв жену. – Землю же дают! И дом. Ты видела записи, какой, сама выбирала.

– Видела... – сквозь слезы выдавила Мэри. – А вдруг нам соврали?

– Да кому мы нужны, чтобы нам врали? – горько усмехнулся фермер. – Нищевроды разорившиеся...

Горькие воспоминания захлестнули его. Несколько неурожавев подряд поставили крест на попытках Джона встать на ноги, пришлось брать кредит за кредитом, которые оказалось не из чего отдавать. В итоге ферму и дом отобрал банк, выбросив семью на улицу. Вот тогда-то старый приятель и посоветовал разорившемуся фермеру завербоваться к имперцам на Александру, Ирину или Пандору. Там до пятисот акров земли любому желающему дают, сельскохозяйственную технику, дроидов, да и дом большой, причем все это является авансом. Выращивай себе то, что пользуется спросом, все сразу выкупят, домой прилетят и заберут, причем за неплохую цену.

Джон никогда особо не интересовался политикой, но даже такой нелюдим, как он, заметил, что планета захвачена какой-то внеземной империей. Однако в его жизни мало что изменилось, разве что привычные деньги были заменены имперскими рублями, что, впрочем, особого значения не имело – цены остались почти прежними при пересчете. К сожалению, фермер не смог выплатить очередные проценты

по кредиту и был выставлен из собственного дома при помощи судебных приставов и полиции.

Оказавшуюся на улице без ничего семью Смитов временно приютил Джереми Нолан, с которым Джон прятельствовал еще со школы. Он и подсказал растерянному фермеру выход – завербоваться поселенцем на Александру, Ирину или Пандору, куда отправилось уже немало разорившихся кентуккийцев. Показал имперские фильмы и сайты об этих трех планетах. Пейзажи Ирины и Пандоры с их безумной, бьющей ключом жизнью до одури напугали Мэри, и она наотрез отказалась ехать туда. Зато Александра понравилась женщине своей природой, поросшими хвойными деревьями невысокими холмами и бесчисленными речушками. Да, климат там был довольно суровый, зима холодная и снежная, но при наличии теплого, сухого дома ничего страшного.

Дрожащими руками Джон набрал на своем стареньком мобильнике номер из объявления о приеме колонистов, он очень волновался, но в глубине души надеялся, что ему наконец-то хоть немного повезет.

– Добрый день, мистер... – ответил приятный женский голос на немного странновато звучащем, но вполне понятном английском языке.

– Смит... – подсказал фермер. – Я по поводу земли на Александре... Правда, что вы даете пятьсот акров и дом?

– Правда, – подтвердила незнакомка. – Сейчас переведу вас на инспектора по колонизации.

В трубке что-то шелкнуло, и голос сменился на мужской, уверенный и напористый. Джон сразу насторожился – он людей с такими голосами не любил и опасался, не раз попадал с ними впросак. Но имперец, в отличие от его прежних знакомых, оказался вежливым, невзирая на напористость, он поздоровался и спросил о причинах принятого решения.

– Мы разорены, – признался Джон. – Банк отобрал в счет долга и ферму, и землю, и дом. А у меня жена и трое детей...

– Все ясно, – хмыкнул имперец. – Да, мы готовы предоставить вам пахотную землю от пятисот до тысячи акров, сколько потянете. При желании можем добавить несколько пастбищ, на Ирине и Александре выращивают крупных мясо-молочных животных, раз в шесть больше коров. Сможете завести себе стадо, если пожелаете, орохи почти не требуют ухода, их надо только поить и доить вовремя. Прокормятся на равнине сами, разве что добавки минеральные потребуются. Также можно будет построить на ферме биоколлектор и выращивать чистое мясо разных сортов. Немало людей в империи не признают убийства животных ради еды и употребляют только такое, оно ничем не отличается от натурального, разве что без костей, жилок и пленок, мякоть и немного жира.

Джон слушал все это, как какую-то невероятную сказку, и никак не мог поверить, что ему говорят правду. Наконец он не выдержал и спросил:

– А что от меня потребуется за все это?

– Сдавать продукцию в районный распределитель по государственным ценам. Налог, десять процентов от выращенного, платится начиная с одиннадцатого года после эмиграции. Как аванс вам выделяется дом в двадцать комнат, все нужные хозяйственные постройки, сельскохозяйственная техника и дроиды в большом количестве. Ставится энергостанция, если нет доступной неподалеку. Однако вот еще что.

– Что? – встревожился фермер, ожидая какой-то гадости.

– Дети будут обязаны посещать имперскую общеобразовательную школу. Обучение ведется на русском языке, как и вся документация в империи.

– А как же. – растерялся Джон.

– Не беспокойтесь, вас всем перед перемещением на Александру внедрят гипнопакет имперских законов и русского языка, вы станете понимать его не хуже родного, – поспешил успокоить его имперец. – Говорить поначалу будете с акцентом, но за несколько лет он исчезнет.

Удивленный фермер только замычал от такого известия, но быстро пришел в себя и принялся подробно расспрашивать о жизни на Александре. Ему подробно отвечали, не выказывая никакого нетерпения, что тоже немало удивляло. Когда расспросы закончились, имперец записал данные семьи Смитов, после чего предупредил завтра с утра быть готовыми и вместе с вещами ожидать у дома Нолана. За ними прилетит челнок.

И все завертелось. Утром семья, не понимающая на каком

она свете, стояла невдалеке от дома. Не прошло и десяти минут, как с неба со свистом опустилась странная треугольная штуковина, похожая на что угодно, но только не на самолет или вертолет. Из открывшегося люка высунулся улыбочивый веснушчатый парнишка, похожий на Мэтью, младшего сына соседа Горета, и весело спросил, которые тут Смиты.

Джон, Мери и дети неуверенно поднялись на борт вместе со своими немногочисленными чемоданами и узлами, сели в удобные мягкие кресла и через полчаса оказались на имперской базе, как потом выяснилось, не земной, а марсианской. То-то фермер слишком легким себя там ощущал и никак не мог понять, почему. Переселенцев без промедления передали врачам, а те погнали их на медкомиссию, которую удалось пройти довольно быстро, часа за два. Затем усадили всех пятерых в специальные кресла с колпаками над головой и внедрили нужные гипнопакеты, после чего разговоры людей вокруг и надписи на стенах внезапно стали понятными.

Смиты переночевали в выделенной им каюте, а утром были переправлены через телепорт в город Снегиревск, столицу империи, прямо в центральный порталный зал, откуда через три часа, в полдень, откроется переход на Александру, где их должны встретить.

Когда семья оказалась в зале, поминающем изнутри перекрученную, изломанную четырехконечную звезду, потолок которого уходил куда-то в темноту, Мэри нервно вздрогнула, ей стало даже не страшно, а жутко. Ну не строили люди

такого кошмара, не строили! В центре этого зала виднелась залитая светящимся туманом большая арка высотой метров в двадцать, над ней висела в воздухе голографическая надпись: «Система 40 Эридана А, планета Татуин, город Бархановск, 9:00–10:00». Людей из арки выходило немного, а не входил вообще никто. Как узнал у кого-то один из неугомонных близнецов, эта пустынная планета, название которой было знакомо Смитам по старому фильму, была почти не населена, ее колонизация началась всего два месяца назад, и там имелось пока что всего два поселения, одно из которых гордо называлось городом. В будущем Бархановск должен будет стать столицей планеты. Видимо открыл ее страстный поклонник «Звездных войн», а поскольку она оказалась пустынной, назвал Татуином. Вторая пригодная для жизни планета в той же системе именовалась Джабиимом из-за постоянных дождей. Поговаривали, что стоило сменить названия, но пока этим никто не заморачивался, сначала надо было сделать колонии хоть относительно автономными, способными в случае чего выжить самостоятельно.

Время тянулось медленно, как резина. Еще дважды сменялась надпись над большим порталом, прежде чем сообщила, что открывается проход на луну Александра, система 55 Рака. Джон резко встал, заставил встать Мэри, у которой ноги подгибались от волнения, и решительно направился к арке. Дети шли за родителями, им тоже было не по себе.

На мгновение задержавшись перед светящимся туманом, Джон, продолжающий крепко держать дрожащую Мэри за руку, шагнул в него. Какое-то время он ничего не ощущал, потом возникло чувство, будто нечто невидимое и очень сильное медленно растягивает его в стороны, но все быстро закончилось, и Смиты вышли из такой же арки в большом светлом зале с огромными окнами. Хотя нет, эта была раза в три поменьше. Над ней висела надпись: «Солнечная система, планета Земля, город Снегиревск, 12:00–13:00». Из тумана позади отца с матерью вынырнули дети и принялись с любопытством оглядываться.

– Добрый день, уважаемые! – подошла к семье улыбчивая светловолосая девушка. – Вы, насколько понимаю, Смиты?

– Д-да, г-госпожа... – ответил по-русски Джон, он говорил неуверенно, спотыкаясь на сложных для англоязычного человека словах, но говорил и очень удивлялся этому, полагая подобное чудом.

– Я Вера Селиванова, ваша сопровождающая, – снова улыбнулась александровка. – Социальный работник. Вы завтракали?

– Нет, – признался Джон, которому со всем этим действительно было не завтрака, хотя дети и предлагали ему взять что-то в вокзальных автоматах.

– Тогда предлагаю позавтракать, а затем отправиться смотреть дом, – снова улыбнулась Вера. – Вашим требованиям удовлетворяют три дома в разной местности, один в ни-

зине, а два на холмах.

– В низине? – встревожился фермер. – А наводнения?

– Там дамба стоит, – завершила девушка. – Да к тому же последний раз наводнение было лет пятьдесят назад.

Она отвела Смитов в небольшое, но уютное кафе, где их вкусно покормили, не спросив за это денег. Такое отношение имперцев до сих пор поражало Джона, он все никак не мог поверить, что у них многое бесплатно. Видел своими глазами, а вот поверить никак не мог, слишком это было дико для выросшего в Америке человека.

Затем Вера вывела семью из вокзала, и вот тут-то все пятеро застыли в восхищении. Как оказалось, здание порталного вокзала на Александре стояло на огромной скале высотой в несколько километров, поэтому вид сверху открывался потрясающий. Розово-золотистый город стоял в излучине большой реки, медленно катящей свои волны по равнине. Но больше всего поражало не это, а занимающая почти треть неба огромная планета, в атмосфере которой можно было видеть смерчи и грозовые фронты.

– Что это? – заморожено спросила Мэри.

– Как вы помните, Александра не планета, а большая луна на орбите газового гиганта, – пояснила соцработник. – Она немного дальше от Харриота, чем Ирина, поэтому здесь холоднее. У ученых есть подозрения, что Харриот постепенно превращается во вторую звезду системы, но они пока не подтверждены. А даже если и подтвердятся, то беспокоиться

не стоит, этот процесс займет не один миллион лет.

Смиты довольно долго стояли на краю скалы, огражденном силовым барьером, и любовались необычными пейзажами. Такие картины дома можно было видеть разве что на фантастических пейзажах. А затем Вера повела семью к стоянке флаеров, к их будущему дому предстояло лететь около получаса. Для телепорта и глайдера слишком близко, а вот для флаера – в самый раз.

Мэри во все глаза рассматривала все вокруг, она понемногу расслаблялась, но успокоится окончательно только после того, как въедет в новый дом. Вспомнив, как обихаживала прежний, женщина закусил губу, с трудом сдержав слезы – столько любви и труда было вложено, и все зря! Отобрали. Имперцы говорят, что здесь никто и ничего не отберет. Дайто Бог!

Внезапно внимание привлекла странная группа людей. Смуглого молодого человека провожали несколько девушек, среди которых были негритянка, японка, беловолосая то ли норвежка, то ли шведка, рыжая англичанка и явная испанка. Они то и дело целовали его, причем он отвечал каждой, что-то говорили, он покорно кивал, явно стремясь наконец-то остаться в одиночестве, Мэри это сразу поняла, всегда умела замечать тонкости в поведении мужчин. По поведению членов этой странной группы она бы даже сказала, что это семья, причем давно спаянная, имеющая множество своих маленьких ритуалов и привычек. Но их семеро! Она взгля-

дом показала на них Вере, и та ее немой вопрос прекрасно поняла.

– Это Сельвио и его жены, – с улыбкой объяснила она. – Не так давно я чуть не стала в их семье седьмой, но не сошлась характерами с Намико, слишком уж она властная.

– Жены?! – потрясенно выдохнула Мэри. – Шесть жен?! Он что, мусульманин?!

– Нет, – покачала головой Вера. – Просто в нашей системе женщин в несколько раз больше, чем мужчин, поэтому принято многоженство, чтобы детишек побольше нарожать.

Она коротко рассказала об эпопее колонизационного корабля Ф-673 «Нептун», внезапно оказавшегося непонятно где и обнаружившего пустыми прежде населенные луны. Об отчаянии, о безуспешных попытках дозваться до своих, а затем о колонизации, о том, что каждая женщина рожала по десять-пятнадцать детей, чтобы хоть как-то увеличить число населения.

– Ужас! – всплеснула руками Мэри.

– Ничего страшного, выжили, – улыбнулась Вера. – Так вот, женщин среди колонистов изначально было вчетверо больше, чем мужчин, так делали в прежние времена, чтобы ускорить колонизацию. Но у нас еще и рождаются начали сплошные девочки, мальчиков оказалось совсем мало. В итоге сложился нынешний баланс – один мужчина на шесть-семь женщин, все давно к этому привыкли. На Ирине есть места, где женщин вообще в десять раз боль-

ше.

– И как они уживаются? – нервно поежилась женщина, подозрительно глядя на смущенного мужа.

– Да прекрасно, – пожала плечами александровка. – Главное при выборе семьи проконсультироваться с психологами.

– А если любовь?

– А если любовь, то все становится неважно. Но с прежними женами мужчина даже в таком случае не расстается, живут все вместе.

Вера лукаво улыбнулась и сказала:

– Захотите увеличить размер семьи, дадите объявление на специальном сайте, желающие найдутся. Свободных девушек у нас много.

– Нет-нет, ни в коем случае! – возмутилась Мэри, ткнув кулаком в бок мечтательно заулыбавшегося мужа.

При виде этой улыбки ей захотелось огреть кобеля чем-нибудь. Хотя на самом деле она была бы совсем не против второй жены, с юности думала о чем-то подобном, не считала это неестественным, поскольку происходила из семьи мормонов, где многоженство в порядке вещей. Было бы неплохо, если бы появилась помощница, с которой легче обиходить большой дом и хозяйство. Но нет, рано пока думать о чем-либо подобном, сначала надо поселиться и привыкнуть к местной жизни. Потом она посмотрит, и, если примет такое решение, то выбирать претендентку станет сама. А то ведь мужчинам, думающим исключительно нижней головой,

выбор доверять нельзя. Выберут безрукую красотку, а хозяйственную женщину оставят побоку, недостаточно привлекательна, мол. Идиоты, что тут сказать!

Полет на флаере длился минут сорок, Смиты рассматривали пейзажи луны с немалым интересом, понимая, что им здесь жить. На удивление приятный ландшафт. Холмы, рощицы, бесчисленные ручьи и речушки, кустарник, причем, по словам Веры, на нем растут очень вкусные ягоды, можно будет собирать и наварить варенья.

А затем на холме возле небольшой реки появился дом, в который Мэри влюбилась сразу и бесповоротно. Двухэтажный большой терем в древнерусском стиле, по словам александровки, окруженный множеством хозяйственных построек. Он выглядел настолько уютным, что женщине до зубной боли захотелось оказаться в нем.

– Это первый из предлагаемых вашей семье домов, – сообщила Вера, сажая флаер во двор, на специальную площадку.

– И последний! – решительно заявила Мэри. – Не надо других, этот нам подходит. Смотри, Джон, какая прелесть вокруг!

Фермер, которому дом тоже понравился, закивал. Действительно, от добра добра не ищут! Местность вокруг была просто восхитительна.

– А земля? – поинтересовался он.

– Ваша, – заверила Вера. – Завтра прилетят землемеры

и нарежут участок. Думаю, восемьсот акров будет достаточно для начала?

– Восемьсот?! – восторженно выдохнул фермер, затем вспомнил, как надрывался на своих двухстах. – Но потяну ли я столько?..

– Дроиды помогут, вам достаточно будет только распределить между ними фронт работ, а дальше они и сами справятся.

– Хорошо, – кивнул Джон.

Он не знал, что сделала Вера, но дверь открылась сама собой, стоило ему прикоснуться к сенсору в виде человеческой ладони сбоку от косяка. В первую очередь дети достали переноску с наглым рыжим котом Питером, буквально украденным ими со двора после того, как судебные приставы выселили семью, и пустили его в дом первым. Тот осторожно принюхался, громогласно мяукнул, пометил косяк и гордо вошел. Смиты в сопровождении Веры последовали за ним. Для них начиналась новая жизнь. Какой она будет? Никто из семьи этого не знал, но надеялся, что хорошей.

Глава 5

Среднеазиатские республики бывшего СССР замерли в недоумении и страхе. Больше всего их население потрясла казнь всех значимых ранее людей, всех старейшин, глав родов и баев. Казалось, их власть нерушима, казалось, она будет всегда, но внезапно появилась непреодолимая сила, и все они задергали ногами на виселицах. Имперцы не пожалели никого, у каждого власть имущего оказалось рыльце в пушку. Преступления казненных описывались в прессе, старики читали газеты, смотрели телевизор и важно кивали, они давно подозревали такое, уж больно эти сволочи кичились своим богатством, буквально тыкали им в глаза остальным. Но никто не думал, что все на самом деле так плохо. И как теперь жить люди не особо представляли.

Бесплатные продукты, одежда, жилье и медицина тоже удивляли, ведь теперь любой человек мог спокойно жить, ему не требовалось больше работать ради выживания. Но те, кто поумнее, понимали, что ничего хорошего в этом нет. Ведь заскучавшие люди потребуют развлечений, им обязательно захочется чего-нибудь эдакого. Странно, что имперцы этого не понимают.

Новая власть действовала по какому-то своему плану, жестко, бескомпромиссно и настойчиво. Все школы очень быстро перепрофилировали, преподавание было разрешено

исключительно на русском языке. Те, кто не знал его в достаточной мере, мог воспользоваться бесплатной услугой наложения гипнопакета. И почти все здравомыслящие люди, кроме сумасшедших националистов, ею воспользовались. А националистов осталось в живых и на свободе очень немного, и выжившие предпочитали помалкивать в тряпочку, вспоминая жестокие расправы над их собратьями. Но порой находились идиоты, пытающиеся сподвигнуть народ на бунты.

Старый Абдуллох, которому недавно исполнилось восемьдесят два, сидел на скамейке перед домом и задумчиво улыбался. Ему, в отличие от многих, происходящее очень даже нравилось. В империи он видел второй Советский Союз, которому когда-то верно служил. Старик недовольно покосился на стайку молодежи неподалеку – ох, будут у новой власти проблемы с этими глупцами. Джихад у них, видишь ли. Вырастили фанатиков на свои головы. Точнее, их вырастили компьютер, улица и проповедники из арабских стран. Все им не так, вон, прыгают, кулаками машут, вопят, что надо браться за оружие, идти бить неверных и добиваться введения шариата. Что за дурачье?

– Здравствуй, уважаемый домullo Абдуллох, – заставил его вздрогнуть чей-то молодой голос, говорящий по-таджикски со странным акцентом.

Старик поднял голову. Перед ним стоял молодой широкоплечий парень, кого-то мучительно напоминающий. Вот только кого? Однозначно кого-то хорошо знакомого! Дале-

ко не сразу до Абдуллоха дошло, что это лицо он постоянно видел в зеркале в далекой молодости. Как похож! Однозначно родственник. Но с чьей стороны? Всех своих детей, внуков и правнуков домулло помнил отлично, ни один из них не был настолько на него похож.

– Здравствуй, юноша! – степенно кивнул он. – Кто ты?

– Ты еще не понял? – как-то странно усмехнулся гость. – Я – это ты, только с того корабля, – он показал пальцем в небо, где как раз проплывал «Снегирь». – И во много раз тебя старше, хоть и молодо выгляжу.

Домулло потрясенно смотрел на него, пытаясь уложить в сознании невероятное известие. Он почему-то сразу поверил в сказанное альтер-эго. Немного придя в себя, он выдохнул:

– Расскажи! Как ты оказался... там?..

– Как? – почесал в затылке гость, садясь рядом. – В общем, в 2004 году я гостил в Москве у сына, Рузи который. А в нашей реальности в этом году началась большая война, весь Запад на Россию пошел. Семья сына погибла на моих глазах, в дом авиабомба угодила, он и сложился, а мы с Рузи прибились к русским солдатам, отступающим на восток. Остаться не могли, видели, что творили западники в захваченных русских городах.

Альтер-эго умолк, нервно поежился, видимо и сейчас воспоминания о прошлом не давали ему покоя. Еще немного помолчал и снова заговорил:

– Отступали два года, Рузи погиб на подступах к Екатеринбург, прикрывал отход наших. Я, поскольку тогда был уже стар, больше шестидесяти, работал при госпитале. Но порой и нам, медикам, приходилось брать в руки оружие – попадать живыми в руки западников не хотел никто, они страшно измывались над пленными. А уж если им в руки попадали женщины...

Он снова вздрогнул, закусил губу и прикрыл глаза. Голос стал глухим:

– Мне однажды пришлось добивать девочек, насаженных на колья после массового изнасилования... Спасти их было невозможно, хоть от мучений избавил...

– Ужас какой! – выдохнул Абдуллох, представив, что это ему довелось сделать такое. – Я бы не смог, наверное...

– После нескольких лет войны человек меняется, – скупо усмехнулся альтер-эго. – Сильно меняется. И становится способен на вещи, на которые раньше способен в принципе не был. Но вернусь к рассказу. Как ни странно, невзирая на возраст, я почти не болел и, когда русская армия двинулась вперед, пошел вместе с госпиталем, который стал мне домом. Прошел всю Россию, Европу, Англию и Америку. Закончил войну в Вашингтоне. Даже расписался на Капитолии. А потом, уже во время мира, вернулся в Таджикистан, где, ты удивишься, оказался никому не нужен, пропавшего в 2004-м году дедушку давно позабыли. Нет, один из правнуков приютил, конечно, но я был в его семье лишним. Хорошо

хоть не нахлебником, поскольку получал имперскую пенсию. Поэтому, когда со мной связался Семен Петрович, главврач госпиталя, с которым я вместе прошел войну, и предложил омоложение, я не медлил и тут же вылетел в Москву. Оказался одним из самых старых, на момент преобразования тела мне исполнилось сто восемь лет. Теперь, как видишь, снова молод и здоров. Возраст перевалил за пятьсот, и еще четыреста, как минимум, проживу. Имею восемь высших образований, кем только ни был. Даже пространственные станции в далеких системах строил. Но главное, участвовал в изменении Таджикистана и других среднеазиатских республик по имперским стандартам. Да, мы намеренно убили национальные языки и обычаи, заменив их русскими, но иначе поступить было нельзя. И то же самое мы сделаем здесь.

– Может, оно и правильно... – тяжело вздохнул домулло, покосившись на продолжавших горячиться молодых парней, которых какой-то лысый мужчина призывал идти убивать русских. – Вон, посмотри, на них... Фанатики! И что с ними делать?..

– Для начала, как следует напугать, – сделалось жестким лицо альтер-эго.

В тот же момент в воздухе из ниоткуда проявились два летающих спрута, схватили испуганно завопившего агитатора и куда-то уволокли. А перед попытавшимися отбить его фанатиками ударило несколько белых молний, и безличный голос произнес сперва по-русски, а затем по-таджикски:

– Национализм на территории империи строго запрещен! Попытки его популяризации будут означать для виновного пожизненную ссылку. Попытки насилия над представителями другой национальности означают для виновных смертную казнь на месте. Все присутствующие, – последовал список имен и фамилий собравшихся вокруг провокатора молодых идиотов, – внесены в серый список, их социальные гарантии отныне ограничены. При попытке продолжить протесты будут приняты жесткие меры.

Перепугавшаяся молодежь попыталась было бузить, чтобы преодолеть свой страх, но невидимые дроиды выдали импульс особого рода, и все до единого фанатики дружно обделались. После этого им стало не протестов, штаны бы сменить, да не слышать громогласного смеха учуявших характерную вонь людей вокруг.

– Жестко, – покачал головой Абдуллох. – Но правильно. Они понимают только силу, а доброту принимают за слабость и начинают наглеть. Эх, упустили мы воспитание нового поколения, упустили...

– Предлагаю заняться этим вопросом вдвоем, мы с Никитой Хайторовым и Джоном Рамиресом как раз курируем данное направление, – предложил альтер-эго. – И не говори мне про старость, через месяц снова молодым и полным сил будешь. Ты же скучаешь без дела!

– Скучаю, – признал старик. – А внуку не больно-то нужен, уважение он проявляет, но и только, пенсия только

с приходом империи стала нормальной, а то жалкие гроши были, на хлеб и воду едва хватало, на хлебником себя чувствовал. Внук с сыновьями раньше в Россию на заработки ездили, а сейчас не знают, куда себя приложить – строительные рабочие теперь не нужны, у вас все роботы строят...

– Не фанатики? – прищурился гость.

– Ни в коем разе, молятся, конечно, но муллу не особо слушают, – заверил Абдуллох.

– Могу предложить им завербоваться к нам, у нас начинается освоение четырех новых планет, работы хватит всем и надолго. Мы буквально разрываемся на части, невзирая на завербовавшихся землян, людей катастрофически не хватает.

– А давай с внуком поговорим, – оживился старик. – Вот он как раз идет. Эй, Равшан, поди сюда! Дело есть.

Средних лет мужчина хмурого вида подошел и вежливо поздоровался. Потом пробурчал:

– Это срочно? Я спешу...

– Да вот, имперский офицер предлагает к ним завербоваться, заверяет, что работы хватит всем.

– Да? – оживился Равшан. – А что за работа?

– Для начала любая, строить города и поселки с нуля, – ответил альтер-эго. – Мы, как я уже говорил вашему уважаемому деду, начали освоение четырех пустых планет. Две нормального, только нестабильного климата, одна пустынная и одна очень дождливая. Также в каждой системе бу-

дут возводиться десятки больших пространственных станций, на многих из которых сможет жить по несколько миллионов человек. Поэтому люди нам нужны, как воздух! И чем больше, тем лучше. Но нормальные, не фанатики и не националисты.

– Ну, в нашей семье таких никогда такими не было... Значит, на другую планету? Но вам рабочие не нужны...

– Отправим на обучение, станете хотя бы операторами строительных или шахтерских роботов. Кто захочет, может и на высшее образование претендовать. Бесплатно! После него вообще все дороги будут открыты. У нас высшее получают не за пять лет, а за два. При помощи мозговых имплантов. А без него можно работать операторами различных систем, диспетчерами, да много еще кем. Обратитесь в центр профориентации, вам без проблем подберут работу. Захотите осесть на какой-то из новых планет, выстроят вам большой дом. Но не сразу. Поначалу все будут жить в палатках.

– Ну, поначалу – оно понятно, – усмехнулся Равшан. – Когда все, это не обидно. Строили мы поселки с нуля, было дело. Только вы бы... – он нервно оглянулся. – Рукожопых не брали... Есть тут у нас несколько таких, все вместе нанимались, так мы работали, а они только инструменты и технику портили! Но доставалось потом всем. Вот это было обидно!

– Ну, это вы инспекторам по трудоустройству расскажете, – улыбнулся альтер-эго. – А мы с вашим дедушкой прямо

сейчас отправляемся в Снегиревск, а оттуда на «Снегирь». Вы его вскоре не узнаете, будет выглядеть в точности, как я.

– Омоложение? – позавидовал внук.

– Оно самое. Нам хорошие учителя очень нужны.

– Ну да, деда все ученики в школе любили...

– Вот-вот, – кивнул альтер-эго. – Сообщите, пожалуйста, остальным родственникам, что уважаемый Абдуллох не пропал и вскоре вернется молодым. Ненадолго, работы у нас будет много, очень много. Идем?

Старик встал, пребывая в предвкушении – ему предстояло увидеть то, о чем он раньше мог только мечтать.

– Забирайте нас, – сказал неведомо кому гость.

Внук Абдуллоха расширившимися глазами смотрел как его дед и незнакомый парень рассыпались искрами в воздухе. Затем ошалело помотал головой и поспешил вернуться домой. Пожалуй, надо принимать предложение и вербоваться на новую планету. На ту, которая пустынная, там будет привычнее. Но для начала придется потрясти сына, пусть поищет в своем любимом интернете информацию по ней. Как бишь там ее, а, Татуин.

* * *

Игнасио по прозвищу Черный Бык, его прозвали так за крупное телосложение и упрямый характер, хмуро смотрел на Крота, одноглазого вертлявого типа, как его звали

на самом деле он не знал. Да и знать не хотел! Как от этого козла вообще отвязаться? Прилип, как банный лист со своим ограблением банка. Все, мол, схвачено. Деньги, понятно, всем нужны, но чтобы лезть сейчас грабить, особенно если вспомнить, что сотворили с недавними грабителями ювелирного магазина имперцы, надо быть последним недоумком.

– Ты совсем того? – покрутил пальцем у виска Бык. – Я еще жить хочу.

– Да все будет ништяк! – загорелись азартом глаза Крота. – Мы быстро влетим, пристрелим парочку богатеньких сучек, и нам сразу деньги отдадут!

– Да ну! А что со всеми бандами в районе стало, напомнить?

– Ну чо, перебили их. Ну, так нам теперь проще будет!

– А тебя не прибьют, думаешь? – скептически поинтересовался Бык. – Знаешь, иди-ка ты на хрен! Я еще жить хочу. Я вон лучше к имперцам наймусь, они людей ищут. Хорошие деньги платят! Так что ищи дураков в другом месте.

– Ну, как хошь, – расстроился Крот и наконец-то отстал.

Переведя дух, Игнасио купил себе бокал дешевого пива в небольшой забегаловке и присел за столик на улице, в тени, правда, плетеный стул едва не развалился под его весом, еще бы, сто двадцать килограмм, причем сплошные мускулы, ни капли жира.

Происшедшее за полгода с момента нападения инопла-

нетян казалось чем-то невероятным, жизнь изменилась настолько, что оставалось только удивляться. Для начала чужаки перебили всех нацистов, а их в Аргентине хватало, еще немецких, не говоря уже о доморощенных, местных. Потом принялись за банды, правившие в стране бал. Никто не разбирался, виновен человек или нет. Состоит в банде? Значит, виновен. Не прошло и недели, как об уличной преступности в Аргентине забыли. Да и попробуй вспомнить, если за любое правонарушение мгновенно следовала смертная казнь! Даже если сумочку из рук какой-нибудь путаны вырвешь. Белая молния из ниоткуда, и все, ты труп. А уж что имперцы делали с насильниками! Причем этим сразу воспользовались проститутки, объявив насильниками всех сутенеров, и те, большей частью, подошли от болевого шока после того, как им отстрелили самое ценное для мужчины. А немногие выжившие позабывались в щели и не казали оттуда носа, страшно боясь, что проклятые чужаки и до них доберутся.

Телевидение и интернет были исключительно имперскими, как и школы. А затем пришельцы вместо привычных песо и сентаво ввели свои рубли. Пришлось привыкать, хоть эти самые рубли люди между собой и называли по-прежнему. Зато цены нормализовались, в продаже появилось множество продуктов, которые здесь раньше никогда не видели. Жаль только имперской бытовой и компьютерной техники в магазинах не было, ее распространяли исключительно на территории самой империи и стран-кандидатов.

Во всех городах страны открылись имперские вербовочные пункты, и немало самых нищих аргентинцев уже успели ими воспользоваться. Теперь от них приходили восторженные письма и множество фото с пейзажами других планет. Особенно поражали виды Пандоры и ее бешеная, безумная, кипящая жизнь. Там достаточно было не посмотреть под ноги вовремя, чтобы погибнуть. Даже скафандры высшей защиты далеко не всегда помогали. Люди смотрели репортажи оттуда, как захватывающие приключенческие фильмы. Да и фильмов имперских по телевизору показывали множество. И они, черт возьми, были намного интереснее американских, которые в основном показывали раньше, до прибытия «Снегиря».

Но самое главное, что наркокартели Южной Америки приказали долго жить вместе со всеми наркоторговцами. Достать какие-либо наркотики стало физически невозможно, но выжившие наркоманы в них больше не нуждались – их бесплатно вылечили от наркозависимости в имперских клиниках, которые открыли в каждом городе и даже большом селении.

Допив пиво, Игнасио отправился домой, поняв, что работы сегодня уже не найдет. Да и не было ее в Ла-Плата, не было в принципе. Это в империи строились новые города, осваивались новые планеты, а Аргентина напоминала собой затхлое болото. Преступность исчезла, как понятие, закрылись казино и наркопритоны, после чего в городе воцарилось спо-

койствие. Мертвое, как зной во время сиесты. Страна кое-как жила, чиновники работали, получая жалование уже в имперских рублях, а не в песо, но работали спустя рукава, и вокруг ровным счетом ничего не менялось. На фоне репортажей имперского телевидения от этого было еще более тошно.

Доехав на автобусе до самой северо-западной окраины города, где он жил после смерти матери вместе с двумя сестрами в небольшой квартирке на третьем этаже доходного дома, Игнасио вошел и ошеломленно замер, увидев Паулу и Люсию в коротких платьях. Причем, крашеных, как на панель.

– Это еще что такое?! – рявкнул парень. – Вы куда так вырядились?!

– Подруги пригласили на променад по южным улицам, – нехотя ответили девушки, отчаянно покраснев.

– Это какие же подруги? – прищурился Игнасио. – Не Агостина, часом?

– Агостина... – уныло подтвердили сестры.

– Девочки, хорошие вы мои, вы что, не знаете, что она проститутка?... – опустил на стул парень. – Она уже многих с пути сбила...

– Но надо же как-то зарабатывать... – закусила губу Паула. – Я понимаю, что это неправильно, но у нас же совсем нет денег, а ты работу все еще не нашел...

– Агостина обещала, что мы за вечер сможем заработать по сто новых песо, а то и больше...

– Рублей, а не песо, – поправил парень. – По сто за девственность? Да вы с ума сошли! Она же вас подставить хочет и на вас заработать! Знаете, по сколько платят мужчины за девственницу?! По полторы тысячи, как минимум! А она вам по сотне дать собралась. Ну девочки, ну что же вы, а? Не надо, сохраните девственность для любимого парня! А деньги? Пес с ними, проживем как-нибудь!

Он на мгновение умолк, потом поднял на сестер лихорадочно поблескивающие глаза и выдохнул:

– Давайте лучше к имперцам завербуемся! Я уже месяц об этом думаю...

– К имперцам?! – ойкнула Люсия. – Страшно! Они же такие жестокие! Вон сколько ребят наших перебили...

– А кем эти ребята были? – хмыкнул Игнасио. – Бандитам! Так что все по заслугам. Нормальным, рабочим людям у них хорошо, вспомните, вчера смотрели репортаж про третью планету Лямбды Змеи, Владию. Видели, какие там моря чудесные? Какой климат? А там ведь самое начало заселения, если успеем, то в столице осядем, квартиру дадут. Да, пока проживем, как и все колонисты, в палатках и бытовках, зато потом все будет! Я на шахтера пустотного учиться пойду, а вы либо на сестер милосердия, либо на учительниц. С языком же сейчас не проблема, учить не надо! Гипнопаке́т – и все в порядке. Давайте, решайтесь! Ну лучше же это, чем перед каким-то козлом вонючим ноги расставлять! Девочки, не делайте глупостей! А там и парней хороших встре-

тите, влюбитесь, замуж выйдете.

– Но мы же католики, а там католических церквей нет... – возразила Паула.

– Там никаких пока нет, – усмехнулся ее брат. – Никто не помешает нам дома молиться, если захотим. А потом все будет. Думайте, это шанс. Новая колония, помимо прочего, даст нам еще и имперское гражданство. Да, пока только второго класса, но кто нам мешает показать себя и заработать на его повышение? Никто! Только постараться надо.

– Знаешь, а давай попробуем, – решила Люсия. – Прав ты, шлюхой становиться – последнее дело. Хорошо нам Агостина головы задурела...

– Угу... – хмуро кивнула Паула. – Ладно, пробуем. Вдруг повезет...

– Вот и отлично! – радостно заявил Игнасио, достал из кармана свой дешевый кнопочный мобильник и набрал номер, который заучил, как «Pater Noster» еще месяц назад, когда начал задумываться о вербовке.

Некоторое время в телефоне раздавались длинные гудки, а затем ему ответил по-испански приятный женский голос.

– Имперская служба занятости в Аргентине. Добрый день! Чем можем помочь вам, сеньор?

– Здравствуйте, сеньорина! – выдохнул парень. – Нас трое, Игнасио, Паула и Люсия Мартинес из Ла-Платы. Двадцать два, двадцать и восемнадцать лет. Родители умерли. Мы хотели бы завербоваться на планету Владия, в какой-ни-

будь строящийся приморский город. По возможности, в столицу.

– Такой вариант имеется. Какие профессии вам интересны?

– Я бы хотел обучиться на пустотного шахтера, по телевизору говорили, что в системе Лямбды Змеи будет добываться множество полезных ресурсов. А сестры хотели бы стать либо сестрами милосердия, либо учительницами.

– Лучше уж сразу учиться на врачей, – посоветовала имперская соцработница. – Потратят два или три года, зато профессия в руках будет. Причем это профессия имперского врача, а не местного, разница очень большая. Стипендия студентам платится, к тому же для колонистов все бесплатно. А вы могли бы стать сначала шахтером, а потом заочно выучиться на планетолога. Устраивают такие варианты?

– Да! – в один голос выдохнули Мартинесы, не ждавшие таких роскошных предложений.

– Но первые полгода придется жить во временных жилых блоках, пластиковых, – предупредила соцработница. – Это вас не пугает?

– Нет! – покачал головой Игнасио.

– Тогда мы заносим ваши имена в список, завтра в двенадцать часов за вами прибудет челнок, он сядет прямо во дворе вашего дома. Адрес я определила.

– Что брать с собой?

– Пару-тройку смен одежды, теплой не надо, на Владии

в избранном регионе температура всегда около двадцати пяти по Цельсию.

– Благодарю! – кивнул парень. – Мы будем готовы.

– Тогда всего доброго, – в голосе соцработницы слышалась улыбка. – И удачи!

Положив телефон обратно в карман, Игнасио выдохнул. Затем негромко сказал:

– Ну вот, теперь все впереди, девочки.

– Страшно! – пискнула Люсия.

– Ничего, справимся. Мы обязательно со всем справимся!

С этими словами Игнасио обнял прижавшихся к нему, всхлипывающих младших сестер. Если честно, ему тоже было страшно. Но вырваться из этого заколдованного круга необходимо. И он из него вырвался. Уже почти вырвался. Осталось совсем немного. Дождаться завтрашнего дня и навсегда оставить позади Аргентину и планету Земля.

Глава 6

Нина Васильевна вошла в учительскую и устало опустилась на стул, потерев ладонями ноющие виски. Нет, все-таки имперские требования выполнять нелегко, невзирая на прекрасные учебники, пособия и учебные фильмы. Держать такой темп и такой эмоциональный накал подачи материала способны далеко не все учителя. После каждого урока она выматывалась так, словно мешки с цементом таскала. Зато и дети слушали заворожено, что удивляло и вдохновляло – планы уроков явно составляли гениальные методисты, прекрасно понимающие психологию подростков. Знающие, когда и на что нужно надавить, чтобы получить требуемую реакцию.

Вспомнив, что было до появления имперцев, Нина Васильевна поджала губы и поежилась – приходилось мало того, что преподавать на украинском, который она знала не слишком хорошо, так еще и преподавать такую чушь, что слов для описания не находилось. Выдуманную, фальшивую историю, высосанную из пальца свидомыми, чтобы оправдать свое ничтожество – ну не было истории у независимой Украины, и не могло быть, поскольку ее самой никогда ранее не существовало.

Жизнь на Украине за прошедшие полгода изменилась настолько, что оставалось только изумляться. В каждом городе

и даже самом маленьком селе установили стационарные телепорты, через которые можно было перемещаться по всей империи. Даже на другие планеты! Учительница со своим классом уже побывала на экскурсиях на Лейте, Пандоре и Ирине. Это было настолько интересно, что даже завзятые бузотеры и хулиганы ходили с открытыми ртами и горящими глазами. Также поражало отношение к детям взрослых имперцев с любой планеты – ни один не отмахивался от их самых каверзных вопросов, останавливался и подробно объяснял то, что юные земляне хотели понять. А те, даже выходцы из свидомых семей, еще несколько месяцев назад увлеченно зиговавшие и вопившие «Сало уронили!», зачарованно слушали. И было видно, что они задумались. Об очень и очень многом задумались.

Однако на перемещение с Земли на другую планету требовалось особое разрешение, которое было не так-то просто получить – его давали далеко не всем и не всегда. Особенно тем, кто, по мнению имперцев, испачкался во время правления националистов. Выяснилось, что никто не забыт и ничто не забыто, любое слово, самый маленький, написанный когда-то давным-давно в сердцах пост где-то сохранялся, а теперь по нему судили человека. Серые и черные списки на Украине превышали по размеру таковые во всех остальных республиках бывшего СССР, не считая, разве что, Прибалтику.

Словно грибы после дождя вырастали новые поселения,

заводы, распределители, институты, дороги, стадионы и дома культуры. Причем, они именно вырастали из зародышей, которые высаживали в нужных местах имперские инженеры-строители. Распределители, в которых можно было бесплатно получать любые продукты и товары, поражали своим разнообразием. Некоторые поначалу жадничали и набирали столько еды, что две трети потом приходилось выбрасывать. Но это быстро прекратилось, люди привыкли, что в любой момент могут заказать все, что только пожелают. Причем совершенно бесплатно! И заказанное доставят им через систему доставки, которая к текущему моменту имелась в каждом доме. Кроме спиртного и сигарет, которые можно было купить только в специализированных магазинах и за деньги. Дешево, но все-таки. Имперцы не считали алкоголь и никотин товарами первой необходимости, включив в предметы роскоши. Это вызывало недовольное бухтение любителей, но не слишком громкое – никто после уничтожения националистов не решался на протест. Слишком хорошо помнили обугленные трупы и длинные ряды виселиц, на которых дергали ногами украинские чиновники, которых приговорили к смертной казни почти поголовно. Последнее, если честно, простые люди горячо одобряли. Помнили, как эти твари за каждую мелочь драли с них мзду.

– Добрый день, коллеги! – вошел в учительскую Семен Георгиевич, пожилой физик с венчиком седых волос вокруг обширной лысины. – Поздравьте меня, вчера в имперской

клинике я лишился всех своих хронических болячек! И так быстро! Положили в медкапсулу, через два часа встал. Чувствую себя, как разве что в молодости чувствовал! Так что если кто-то еще не ходил в клинику, советую. Оно того стоит!

Он действительно выглядел стройным и подтянутым, куда только подевались лишний вес и одышка.

– А на омоложение чего ж, не заработал, жопу убийцам подлизывая? – раздался в ответ визгливый голос Анны, но как она предпочитала называться, Ганны Степановны.

Эту худую женщину с рыбьими глазами в школе не любили, хорошо помнили, как в прежние времена она доносила на каждого, осмелившегося на работе заговорить по-русски. А Виктор Иванович, бывший директор, и вовсе сгинул в подвалах СБУ после ее доноса. После него прислали западенца, чей диалект бедные учителя поначалу попросту не понимали. Сколько он им крови попил! Поэтому когда в его адрес прозвучало: «Именем империи!», педагоги рукоплескали, кроме, опять же, Ганны, которая проклинала всех вокруг. Удивительно, что ее еще не уволили из школы. Хотя на уроках она не осмеливалась сказать ничего против имперской программы, вела их четко по методическим указаниям. Но атмосферу в коллективе свидомая дамочка портила сильно, ее ядовитые замечания были порой очень оскорбительны. Иногда даже хотелось по-простецки дать ей в морду за все хорошее.

Семен Георгиевич не обратил на реплику Анны Степановны внимания, только почти незаметно передернул губами и продолжил рассказывать, как после клиники навестил сына, живущего не слишком далеко от Южно-Сахалинска. Тот уехал в Россию еще в две тысячи четырнадцатом году, когда понял, кто пришел к власти на Украине. Многие умные люди, осознав, что родная страна оказалась во власти нацистов, предпочли покинуть ее.

– Представляете, зашел в кабинку, назвал место назначения, у меня была Сахалинская область, – с восторгом рассказывал физик. – В ответ получил голографическое меню с названиями населенных пунктов. Выбрал нужный, Долинск, ткнул в него пальцем. Высветились телепорты там, так происходит, если телепорт в месте назначения не один. Я выбрал ближайший к Парашютной улице телепорт на Кирова, Витька у меня там живет. Стена впереди загорелась светом, я ступил туда – и сразу оказался на месте. Мгновенно! Просто обалдеть! Пару кварталов только пройти пришлось. Я полдня гостил у сына, а рано утром вернулся домой и успел подготовиться к урокам.

Ненадолго умолкнув, Семен Георгиевич продолжил:

– Все-таки методички имперцев гений делал, все подробно расписано, как, что и где. А главное, на родном языке! Какое же счастье, что нам больше на навязывают эту осточертевшую западенскую гвару! На ней же даже физических терминов не было, приходилось их из пальца высасывать. По-

рой так смешно получалось! Вы только послушайте – затискач живления и сповільнювальне реле! И это еще самое безобидное. Вспомните медицинские термины и названия! Нацюорнык вместо презерватива, простите уж за откровенность, и цыцькотрымач вместо лифчика! Это как? Жуть же.

Анна Степановна покраснела от гнева, но промолчала, сжав кулаки. Только где-то через минуту она с ненавистью выдавила:

– Да что вам всем наша несчастная мова сделала?.. За что вы ее так ненавидите?..

– Вам напомнить, как вы и вам подобные травили всех вокруг за русский язык? – язвительно поинтересовалась Нина Васильевна. – Вам напомнить Виктора Ивановича, замученного в СБУ украинскими фашистами? Его в закрытом гробу хоронили! Вам напомнить запреты русского языка? Вам напомнить, как нас заставляли говорить на этой вашей проклятой мове? Вам напомнить, как даже фильм на родном языке стало невозможно посмотреть? Вам напомнить, как изымались из библиотек русские книги? О, я еще многое могу напомнить! Слава Богу, кончилось ваше время, упыри!

– Да, кончилось! – поддержала ее Леночка Ивановна, как коллеги ласково называли недавно приехавшую из Днепрпетровска совсем молоденькую учительницу русского языка и литературы. – Как только вы эту вашу мову перестали навязывать, ее нигде не стало! Ни в одном заведении, ни в одном магазине, даже на улицах не слышно. Куда она поде-

валась, а? Никто больше не хочет на ней разговаривать! Она теперь только в селах и на Западенине. Да и там ее никто поддерживать не будет, лет пятьдесят – и забудется!

– Потому ее и надо было поддерживать, потому и надо было запрещать русский язык, чтобы она укрепилась... – с трудом выдавила учительница обществоведения. – Неужели нельзя было понять и принять это?..

– Когда тебе навязывают что-то чуждое, понять и принять это невозможно, – отрицательно покачал головой Семен Георгиевич. – А вы именно навязывали, тыкали этой вашей мовой всем в лицо, ежедневно издевались над русскоязычными. Думаете, мы вам это забыли и простили? Даже не надейтесь. Все помним.

– Проклятые ватники... – закусила губу Анна Степановка, не сдержав тяжелых, горьких слез. – Неужели трудно понять, что так было надо? Что мы создавали собственную идентичность? Отрывались от поганой России...

– Зачем? – глухо спросил физик. – Зачем вам было отрываться от России? Какой сволочи это понадобилось? Для чего вы создавали не существующую псевдоисторию? Зачем растили детей нацистами? Зачем вырастили из них бесноватых убийц? Из-за этого имперцам пришлось их перебить, потому что иначе эту нелюдь было не остановить!

– Да, перебили... – опустила голову учительница обществоведения. – Лучших, которых мы так долго пестовали... Они наконец-то выросли и вошли в силу, мечта о вели-

кой Украине готова была исполниться... И исполнилась бы, если бы ей не помешали проклятые ватники... А теперь? По всей Украине едва треть молодых мужчин осталась... А они всего лишь хотели, чтобы их страна была превыше всего! Чтобы никто не заставлял их притворяться русскими!

– И ради этого им понадобилось убивать детей и женщин Донбасса?

– Да, даунбасяне и лугандонцы сами виноваты! Надо было принимать ценности новой Украины и идти в ногу, вместе со всеми, а они вцепились в свой поганый русский язык и свою поганую русскость! А раз не захотели становиться украинцами в полной мере, то должны были принять последствия! Но нет, они, паскуды, видишь ли, слишком гордые! Должны были склонить головы, выдать зачинщиков и вытерпеть наказание, если уж не могли смириться! Молча! А они воевать затеяли! Сепаратисты поганые! Твари! И нас потом еще смели обвинять, что мы, мол, их баб и щенков давим! А так и надо, раз посмели не принимать украинство! Мы бы их раздавили, но прилетели... эти... А теперь даже слова поперек не скажи... Меня... Меня...

– Что? – подался вперед Семен Георгиевич.

– В черный список внесли... – зарыдала уже в голос Анна Степановна. – Вчера попыталась сходить через телепорт в Тернополь, к сестре... Не позволили... Сказали, что для людей из черного списка это запрещено... Я в канцелярию пошла, узнать, что ж я такого страшного сделала...

А там...

Она буквально завывала от обиды и отчаяния, вспоминая, с каким презрением и даже брезгливостью говорил с ней имперский инспектор. Как выяснилось, ее давно стертые посты 2014-го года где-то сохранились, и учительнице обществоведения их предъявили. И тот, где она среди других радовалась жареным колорадам в Одессе. И тот, в котором писала, что ой как смешно, самке колорада ножку оторвало, и поддерживала это, говоря, что это кондиционер взорвался. И тот, в котором смеялась над погибшей вместе с дочерью горловской мадонной. Но ведь все ее единомышленники, все, кто был за Украину, так писали! Она же не убивала сама! Не обстреливала! Только поддерживала действия армии своей страны в социальных сетях! Так за что же ее в черный список внесли?! И почему говорят с ней с таким отвращением, словно видят перед собой не человека, а кусок дерма?! Это же неправильно! Больше всего ударил запрет на использование имперской медицины, опережающей местную на столетия. А тут еще этот ватник хвастается, что его исцелили! Еще и омолодят, сволочь такую, потом. Как жаль, что в свое время не донесла на него в СБУ, своим притворялся, говорил только по-украински, даже «Слава Украине» кричал, когда на улице попадался бандеровцам.

Учителя смотрели на сведомую коллегу с не меньшей брезгливостью, чем имперцы, они знали, что она сволочь, но не подозревали, что настолько. Радоваться страшной ги-

бели людей в огне? Людей, которые всего лишь не принимали гнусную идею украинства? Оправдывать жестокое убийство женщины и ребенка? Смеяться над умирающим, истекающим кровью человеком? Это кем надо быть? По меньшей мере, чудовищем в человеческом обличье. Леночка Ивановна не выдержала и высказала Анне Степановне все это в лицо.

Та молча выслушала, не вытирая слез, затем глухо сказала:

– Чудовищем, говорите? А вы, будто, не радовались, когда имперцы перебили молодых ребят, вся вина которых была в том, что они любили свою страну и свой язык. Да, они убивали врагов, но так и надо! Так чем же вы отличаетесь от меня?

– Всем, – ответил Семен Георгиевич. – Мы радовались избавлению от власти нацистов, а не гибели конкретных людей. Вы же именно чудовище, вы смеялись над смертью матери с ребенком, которые ни вам, ни вашей Украине ничего плохого не сделали.

– А, что с вами, ватниками погаными, говорить! – обреченно махнула рукой Анна Степановна. – Вам не понять величия идеи украинства...

– Удивляюсь, что вы здесь еще работаете, – уронила Леночка Ивановна. – С такими-то взглядами.

– Уже нет, – заставил всех вздрогнуть холодный голос незаметно появившегося в учительской директора школы, имперца, совсем еще молодого смуглого парня на вид, хотя на самом деле ему перевалило за двести.

– Добрый день, Франсуа Игоревич! – поздоровались учителя. – Она уволена?

– Да, – коротко ответил директор. – Сегодняшний демарш переполнил чашу терпения. Анна Степановна, все базовые права имперского гражданина остаются при вас. То есть бесплатные жилье, еда, одежда, медицина и бытовые принадлежности. Однако работы вы больше никогда и нигде не найдете. А если еще раз позволите себе подобный сегодняшнему демарш, то будете сосланы на Саулу, на отдельный северный остров, куда ссылаются исключительно свідомые сволочи. Хотите дожить вашу жизнь спокойно? Сидите дома молча. Вам, надеюсь, все ясно?

– Да... – прошелестела женщина, встала, собралась и покинула учительскую.

– Слава Всевышнему! – выдохнула Нина Васильевна. – Вы не представляете, Франсуа Игоревич, как она нам надоела своими высказываниями!

– К сожалению, такие не меняются, – тяжело вздохнул директор. – Главное, их вовремя отслеживать и нейтрализовывать. Пока не нагадили. На Украине их много. В нашей реальности было меньше, война их хорошо проредила, но и то до сороковых годов бандеровщину вычищали. Здесь дольше придется. Главное, не позволять им влиять на молодежь. Детей мы постепенно перевоспитаем. А вот взрослых уже нет, они все равно, что им не дай, будут держать фигу в кармане. Но справимся, хоть и нелегко будет. Ладно, оставим эту те-

му. Я вот о чем хотел с вами поговорить, товарищи.

Учителя уставились на него. Франсуа Игоревич прошелся туда-сюда, затем сел на стул и снова заговорил:

– Если здесь, на Житомирщине, таких, как Анна Степановна, не слишком много, то на Львовщине их подавляющее большинство. В том числе и среди учителей. Там пришлось только наших ставить, местные... э-э-э... промолчу лучше, сами понимаете. А из детей там такое вырастили, что слов нет. Им вбили в головы нацизм, они считают его нормальным и правильным, да что там, единственно верным. Но беда в том, что учителей не хватает. Только у нас в школе недобор шести человек. Во Львове вообще порой три-четыре учителя всю школу тянут. А неопытный воспитатель способен все испортить, причем искренне желая хорошего. Я хотел бы попросить по возможности проводить уроки там, телепорт установят прямо в моем кабинете, так что с перемещением проблем не будет. Сегодня же я хотел бы попросить Нину Васильевну провести экскурсию со львовскими детьми, точнее, не совсем львовскими, из села под Львовом. На Лейту или Пандору, по вашему выбору. Как по-вашему, что детям будет интереснее? Какая планета?

– Пандора, конечно, – улыбнулась учительницы истории. – Особенно с выходом в джунгли, тем более в скафандрах высшей защиты. Это же такое приключение! Даже самые отбитые малолетние националисты все равно остаются детьми.

– Возьметесь? – спросил директор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.